

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ИСТОРИИ И ПРАВА

Великогерманское и малогерманское направления в общественно-
политической жизни Германии второй половины XIX в.: возможности
интерпретации в школьном курсе истории

Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)

Направленность программы бакалавриата

«История. Обществознание»

Форма обучения очная

Проверка на объем заимствований:

76,96 % авторского текста

Работа рекомендована к защите

рекомендована/не рекомендована

«27» мая, 2025 г.

Зав. Кафедрой История и права

(название кафедры)

Коршунова ФИО

Коршунова И.В.

Выполнила:

Студентка группы

ОФ – 524 / 076-5-1

Похлебаева Олеся Андреевна

Научный руководитель:

кандидат ист. наук,

доцент кафедры Жоров Евгений

Анатольевич

Жоров Евгений

Челябинск, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЗАРОЖДЕНИЯ МАЛОГЕРМАНСКОЙ И ВЕЛИКОГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКИХ ШКОЛ.....	8
1.1. Исторические предпосылки спора между Пруссией и Австрией.	8
1.2. Политическое противостояние Пруссии и Австрии и его влияние на немецкую историографию	14
ГЛАВА 2 АНАЛИЗ ТРУДОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАЛОГЕРМАНСКОЙ И ВЕЛИКОГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКИХ ШКОЛ.....	22
2.1. Представители малогерманской школы	22
2.2. Представители великогерманской школы	45
ГЛАВА 3 МЕТОДИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ	61
2.1. Публицистика как исторический источник	61
2.1. Использование публицистики на уроках истории	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	70
Список использованных источников	73
ПРИЛОЖЕНИЕ	81

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир переживает серьёзные политические потрясения, как на мировом уровне, так и на уровне отдельных государств. Политические, национальные и территориальные конфликты все чаще вынуждают обращаться к истории не только политических деятелей и профессиональных историков, но и тех, кто не имеет к истории и к политике прямого отношения, а лишь хочет осознать те события, которые они проживают, выявить их причины.

Тема данной работы раскрывает такой феномен в истории Германии, когда историческая наука оказывала активную поддержку правительству в наиболее решающие моменты для государства. В итоге, в попытках выработать какие-либо взгляды на прошлое в рамках постоянной полемики и критики в научных кругах, наука приобрела политизированный характер.

Современной исторической науке очень важно оставаться объективной и беспристрастной; постоянно приближаться в исторических фактах к истине; в трактовке и анализе этих фактов - не навязывать своё мнение. Однако, совсем отказаться от ориентира на острые современные вопросы, на определённую позицию невозможно, значит историческая наука должна быть открыта к дискуссии, целью которой станет достижение истинности. Кроме того, историческая наука не должна быть излишне политизирована, т.е. она не должна искажать историческую действительность ради каких-либо политических целей; но она и не должна быть изолирована от общества, особенно если в обществе остро стоит какой-либо политический вопрос. Иначе, история как наука, потеряет всякую общественную ценность.

Актуальность данной темы прослеживается в нескольких аспектах. Во-первых, в современном мире существуют и развиваются тенденции интерпретации истории в политических интересах. Во-вторых, данная тема

рассматривалась больше в контексте становления национализма и его влияния на развитие исторической науки. В современном мире развиваются националистические тенденции, которые не только могут разрабатывать подобные концепции для своей идеологии, но и опираться непосредственно на существовавшие в прошлом идеи. В-третьих, данная тема имеет историографическую ценность, т.к. хорошо показывает, как Германия осмысливала своё прошлое, анализировала свою историю. Несомненно, подобного рода анализ актуален и для современных историков не только немецких, но и в других странах.

Историография. Споры между Юлиусом Фикером и Генрихом фон Зибелем до сих пор в основном рассматривались в рамках их соответствующих биографий. Краткие описания конфликта можно найти в "Частичной биографии" Фолькера Доттервайха о Генрихе фон Зибеле [12] и в статье Гельмута Зайера в 1971 году для серии под редакцией Ханса-Ульриха Велера «Немецкие историки» [12]. Более подробный – к сожалению, но также немного односторонний - трактат этого спора можно найти в биографии Юлиуса Фикера, опубликованной его учеником Юлиусом Юнгом в 1907 году [15]. Не в последнюю очередь из-за националистических и универсалистских взглядов в рамках дискуссии, были опубликованы и инициированы в период национал-социализма Фридрихом Шнайдером спорные письма двух противников и эссе Георга Вайца. Примечательно, что в период с 1934 по 1943 год оно было опубликовано в общей сложности пять раз. [12]

Малогерманская школа как историко-публицистическое направление не особо изучалась в России. Однако, внимание уделялось их отдельным трудам. Например, теория и методология истории, которую Дройзен назвал «историкой» [10] оказала большое влияние как на европейскую историческую науку, так и на российскую. В частности, такие историки как Н. И. Кареев, В. О. Ключевский, А. С. Лаппо-Данилевский и др. Занимались изучением его синтетического подхода.[20]

Большой интерес к немецким историкам второй половины XIX века был в Российской Империи. Это было вызвано, с одной стороны, давней дружбой имперских домов Германии и Российской империи, а также бурным развитием Германии в экономическом, политическом, культурном плане; историческая наука формировалась со своими институтами, методологией и научными подходами, так что для Российской империи, как и для других стран на тот период являлась образцом для подражания. Например, немецких историков - медиевистов изучал П. Г. Виноградов («Очерки западноевропейской историографии») [24]. Автор провёл большой анализ работ некоторых немецких историков. Исследуя труд Л. фон Ранке, П. Г. Виноградов в своей статье также упомянул некоторую связь немецких историков с идеей государства [24].

Прусская или малогерманская школа долгое время оставалась в центре внимания российских историков. Здесь следует упомянуть рецензии на книги двух наиболее влиятельных историков - Г. Трейчке «Немецкая история в XIX столетии» В. И. Герье и Г. фон Зибеля «Создание немецкой империи при Вильгельме I» К. К. Арсеньева [35]. В целом, рецензии носили преимущественно положительный характер, это объясняется тем, что авторы рецензий во многом разделяли взгляды малогерманской школы на средневековую историю Германии.

Большая работа была проделана В. П. Бузескулом, посвящённая жизни и научной деятельности Г. фон Зибеля - статья «Генрих фон Зибель как историк - политик» [20].

Существование двух историко - политических направлений в Германии сегодня освещается в рамках немецкой историографии. Информацию об этом можно найти в учебных пособиях по историографии, например, в книге А. Б. Соколова, «Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США» [47], или пособия А. В. Адо, И. С. Галкина и др., «Историография истории Нового времени стран Европы и Америки» [30].

Кроме того, немецкой историографии посвящены и отдельные научные работы, связанные с рассмотрением разных исторических событий. Например, работа А. В. Афонюшкиной «Изучение новой истории в российской и германской историографии второй половины XIX века: проблемы взаимовлияния»[16]; статья Ю. А. Васильева «Немецкие школы историков XVIII-XIX вв. [24]

Таким образом, рассматриваемая здесь тема охватывает много аспектов, заслуживающих дополнительного исследования. Однако, непосредственно анализа противостояния двух немецких исторических школ в отечественной историографии не было, хотя в России известны представители этих школ.

Цель данной работы - изучить историю возникновения и развития великогерманского и малогерманского направлений в общественно-политической жизни Германии второй половины XIX века, а также показать возможность интерпретации данной темы в школьном курсе.

Объект исследования: великогерманское и малогерманское направления немецкой исторической школы второй половины XIX века.

Предмет исследования: анализ трудов и деятельности немецких историков второй половины XIX века.

Задачи:

1. Осветить исторический контекст развития исторических (малогерманской и великогерманской) школ в Германии второй половины XIX века.

2. Анализ трудов и деятельности представителей малогерманской школы в вопросе объединения Германии второй половины XIX века.

3. Изучение влияния научного направления с политическим уклоном на развитие исторической науки Германии во второй половине XIX века.

4. Составление рекомендаций по использованию данной темы в школе.

Хронологические рамки: 1848 - конец XIX века.

В ходе работы использовались следующие методы и принципы исследования:

- ✓ принцип историзма;
- ✓ принцип научной объективности;
- ✓ системный метод;
- ✓ сравнительно-исторический метод;
- ✓ общенаучные методы синтеза и индукции.

Научная новизна данной работы определяется тем, что тема недостаточно хорошо изучена на данный момент, поэтому настоящее исследование позволяет глубже рассмотреть некоторые аспекты немецкой историографии второй половины XIX века.

Источниками для написания работы послужили труды историков малогерманской школы, такие как «The political thought» Генриха фон Тройчке [4], «История эллинизма» и «Историка» Дройзена Иоганна Густава [9; 10; 11]; труды историков - представителей великогерманского направления исторической науки - Johannes Janssen An meine Kritiker (И. Янссен «Моим критикам») [1], «Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen: Vorlesungen gehalten im Ferdinandeum zu Innsbruck» Юлиуса Фиккера [2], а также воспоминания политиков-современников, например, Бисмарк, Отто фон (1815-1898). «Мысли и воспоминания», изданный в 3 томах [7; 8].

ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И РАССМОТРЕНИЕ ОБЩЕГО РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ШКОЛ

1. Исторические предпосылки спора между Пруссией и Австрией в вопросе о национальном объединении страны

Чтобы выстроить представление о каком-либо историческом феномене, необходимо рассмотреть те стороны развития государства, которые в той или иной степени повлияли на рассматриваемый феномен.

Здесь будет рассмотрено общее состояние германских земель во второй половине XIX века.

На возрождение национального духа немцев и их стремление к государственному объединению наиболее сильно повлияли два важных события: борьба с наполеоновской Францией и Революция 1848 года.

Борьба с Наполеоном поставила в обществе острый вопрос: кто же должен править германскими государствами; ведь освобождение от иноземного владычества даёт благоприятную почву для роста национального самосознания, с одной стороны, и вынуждает окончательно решить вопрос о политическом доминировании над многочисленными отдельными государствами - с другой.

Большой политический вес во второй половине XIX века имела Австрия¹, однако, после создания Германского союза очень быстро крепнет государство, которое составило ей конкуренцию - Пруссия [50, с. 18].

В истории этот интересный и не раз исследованный вопрос называют «феномен Пруссии». Благодаря участию в наполеоновских войнах, к Пруссии отошли Рейнские провинции. С XVIII века идёт сотрудничество Пруссии с Россией. Постепенно стало проявляться экономическое и политическое укрепление Пруссии, что сильно не нравилось Франции и Австрии.

---

¹ С 1867 года - Австро-Венгрия, здесь будет далее упоминаться как Австрия

Австрия имела для этого свои основания - после наполеоновских войн Габсбурги потеряли имперскую корону. Пруссия не имела больших возможностей для территориальной экспансии, поэтому большое внимание уделялось именно «внутренней силе народа»: дисциплина, самоконтроль, напряжение воли, осторожность. Кроме того, ещё в первой половине XIX века Пруссии все чаще ставят вопрос о её историческом наследии - Немецкого ордена, что повышало её авторитетность среди немецких государств.

Другой особенностью «феномена Пруссии» часто называют и религиозную стойкость, сформированную приверженностью лютеранству, что являлось немаловажным фактором в общественном объединении. В истории религия не раз выступала предметом сплочения народа и зарождения патриотизма. [46, с. 12] В политике это также часто служило ценным оружием. Многие историки склоняются во мнении, что Пруссия в период своего возвеличивания упорно отстаивала свои лютеранские взгляды и с негодованием относилась к представителям других конфессии и вероисповеданий. Такая тенденция со стороны правительства привела в дальнейшем к упорному сопротивлению католичеству, что являлось одной из точек сопротивления Австрии, а в дальнейшем (70-е гг. XIX) и привело к открытой борьбе Отто фон Бисмарка с правом католической церкви вмешиваться в дела государства. Однако, данные суждения очень ясно опровергаются автором монографии «Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм» О. Ю. Пленковым. Действительно, в XIX веке в Пруссии прослеживается стабильная религиозная веротерпимость. Например, с 1817 года идёт сосуществование прусских лютеран с кальвинистами (вероисповедание Гогенцоллеров), которые не испытывали в Пруссии каких-либо религиозных притеснений со стороны власти и общества. Пруссия спокойно относилась к французским гугенотам в своей стране, не притесняла мусульман и евреев.

«Культуркампф» Бисмарка хорошо изложен в его личных воспоминаниях: «... у папской власти нет какой-либо силы, либо доброго желания оказать нам помощь на столько ценную, что мы могли бы не обращать внимание на недовольство, которое публичное выступление в пользу папских интересов относительно Рима вызывает у германских протестантов и итальянской национальной партии и которое окажет воздействие на будущее отношения обоих народов» [6, с.119]. В политике чаще всего религиозное давление имеет политические мотивы, и рассматриваемое событие в истории Пруссии не исключение. Сопrotивление католицизму было характерно лишь в контексте соперничества Пруссии и Австрии, а также твёрдом решении Бисмарка не разделять политическую власть с церковью. Кроме того, папа не раз заявлял, что он против национального объединения Германии, что, несомненно, противоречило на тот момент не только планам Бисмарка, но и патриотическим чувствам германского народа.

Ещё одним важным признаком «феномена Пруссии» считается деятельность Генриха Фридриха Штейна, который активно внедрял в экономику Пруссии капитализм. Он же пытался сформировать и основы демократии. Однако, если капитализм в Пруссии был принят и стремительно развивался, то демократизация общества быстро сошла на нет. Для Пруссии, в отличие от других европейских держав, характерны очень твёрдые позиции абсолютизма. Именно неудача в установлении демократии придали Пруссии характер военного государства, склонность народа и государственного аппарата к беспрекословному подчинению, что в большей степени позволило прусскому правительству утвердиться как «железному государству». Таким образом, Пруссии удалось развить элементы капитализма в условиях прочного абсолютизма, что также укрепило ее экономическое и политическое международное положение. Такое уникальное для XIX века сочетание двух, на первый взгляд, не совместимых тенденций в одном государстве сильно выделяло Пруссию на

фоне других европейских держав, что и дало исследователям основание называть данный исторический период «феноменом Пруссии» [46, с. 15].

Сильная государственная власть концентрировала основные ресурсы и средства страны в своих руках; активно совершенствовалась система образования, развивалась социальная политика. Такие улучшения в Пруссии народ связывал не столько с экономическим ростом страны, последовавшем после разрушения старых феодальных систем и внедрением капитализма, а именно с деятельностью сильного правительства. Все это приводило к росту авторитета прусской власти среди других держав и среди немецких государств. На этом фоне росло и число сторонников идеи объединения Германии во главе с Пруссией [37, с. 584].

В самой Пруссии идёт постепенное формирование патриотического чувства. Так, Бисмарк в своих воспоминаниях писал относительно дореволюционного времени: «...немецкое национальное чувство было во мне так сильно, что в первое время своего пребывания в университете я примкнул к студенческой корпорации, которая провозглашала своей целью заботу и развитие этого чувства» [6, с. 1]; «тяга к германскому единству находила своё выражение лишь в форме студенческих корпоративных стремлений, вызывавших соответствующие репрессии. Немецкое ... национальное чувство было у Фридриха-Вильгельма IV сердечнее и живее, чем у его отца, но его проявление тормозилось из-за пристрастия короля к средневековым формам..., поэтому он упустил благоприятный момент в марте 1848 года» [6, с. 29]. Интерес немецкой публики к вопросу национального единства народа находил своё выражение в студенческих движениях, в формирующихся исторических обществах, которых к середине 40-х гг. насчитывалось уже 44 [50, с. 21].

Особый интерес проявился в обращении к истории, что знаменовалось тем, что в 1846 году во Франкфурте-на-Майне прошло

всегерманское собрание историков и филологов. Руководил им выдающийся немецкий филолог Я. Гримм.

Революция 1848-1849 гг обострила назревающие государственные вопросы Германии. Сочетание капитализма и абсолютизма проявило себя в борьбе германской буржуазии, которая выдвигала либеральные требования и требования немецкого юнкерства, которое долгое время, занимая правящие позиции, придерживалось консервативной политики. Эта борьба привела к компромиссу - альянсу «стали и ржи» - юнкерство сохраняет бразды правления, но оказывает активную экономическую поддержку буржуазии. Этот компромисс позволил отвести на второй план классовую борьбу и сохранить авторитет власти [18, с. 23].

В Австрии эта революция обернулась настоящим национальным и политическим кризисом: режим канцлера К. Меттерниха пал, отделились итальянские провинции, а Пьемонт начал войну с Веной, к отделению стремились Венгрия и Богемия (чешские земли).

В Пруссии также не обошлось без противоречия: поступки короля Фридриха-Вильгельма IV породили недоверие к абсолютизму в народе. Однако, много значит его призыв из Германского союза создать германское государство, хотя и сохраняя династические права немецких государств. Здесь явно прозвучала претензия Пруссии на доминирующие позиции государственной власти в Германии. Это уже вывело вопрос о выборе доминирования одного немецкого государства над другими на повестку дня. Конечно, главным здесь выступало именно революционное сопротивление монархии. На тот момент для народа неразрывными оставались вопросы объединения Германии и смены политического режима. Бисмарк так же, говоря о данных событиях, ссылаясь на отказ короля ограничить свои династические права: «В неудачах нашей политики 1848 года повинна не столько затаённая германская идея Фридриха-Вильгельма IV, сколько его слабость. Король надеялся, что то, к чему он стремился, исполнится таким образом, что ему не придётся

поступаться при этом своими легитимистскими традициями» [6, с. 40]. То есть, даже тот факт, что короля избирает парламент, а не его «законное» право уже противоречило прусскому абсолютизму. Данное положение на тот момент не позволяло решить национальный вопрос Германии. Далее Бисмарк разъясняет, что и Франкфуртский парламент не стремился признать одну из существующих династий имеющей право возглавить объединение немецкой земли: «Франкфуртский парламент рассматривал династические вопросы как нечто уже преодоленное и со свойственной немцам теоретической энергией принимал эту точку зрения и к Пруссии и к Австрии» [6, с. 40]. Однако, подобное нельзя сказать об общественном мнении немцев. Далее Бисмарк пишет: «но парламент находится в заблуждении на счёт того факта, что в случае противоречия между постановлением Франкфуртского парламента и указом прусского короля парламентское решение у семи восьмых населения Пруссии будет иметь ничтожный вес или же не будет иметь никакого веса» [6, с. 40]. Это только подтверждает тот факт, что Пруссия отличалась своей склонностью к абсолютизму, несмотря на либеральные требования революции. Надо понимать, что революционный призыв к объединению страны все же выдвигался как разрушение всего прошлого: феодализма, сословий и, конечно, монархии. Неспособность революции свергнуть монархию показала и неспособность Германии к объединению к середине XIX века [23, с. 100].

Таким образом, в результате революции 1848-1849 гг. национальный вопрос рассматривается с двух ключевых позиций: с одной стороны, как объединить страну конституционно с сохранением института монархии; с другой - как противостоять старым системам монархии, чтобы объединить страну конституционным путём [17, с. 5].

В дальнейшем, с усилением консервативной партии у власти, в приоритете останется вопрос объединения страны, где преобладание династии будет рассматриваться её исторической преемственностью.

Именно это направление и будет развивать историческая наука в рамках малогерманского и великогерманского направлений.

1.2 Политическое противостояние Пруссии и Австрии и ее влияние на немецкую историографию

Формирование разных мнений в вопросе объединения Германии началось именно с деятельности прусского короля Фридриха-Вильгельма IV в 1849 году. Его идея с объединением государств с сохранением феодализма нашла своё выражение в Эрфуртском союзе. Именно с него и вводится представление о малогерманском пути, т.е. объединение Германии, не включая Австрию, в которой на тот момент существовала большая доля немецкого населения. Надо заметить, что и Пруссия не имела в этом преимуществ. В дальнейшем будет рассмотрена малогерманская школа, которая в исследовании истории активно искала основания для Пруссии считать её лидером среди германских государств, ведь на тот момент она имела куда меньше исторических прав, по сравнению с Австрией. Однако, если Пруссия, делала упор на национальных чувствах и показала это в вопросе с Польшей 1863 года, то Австрия все ещё стремилась к внешним завоеваниям, за что историки и будут цепляться, осуждая Габсбургов Средневековья. Союз имел также название «Союз трёх королей» - изначально его подписали Саксония и Ганновер. Позже они вышли по условию, что к унии должны присоединиться государства, входившие в старый Германский союз. В дальнейшем союз поддержали 26 государств.

Несомненно, Австрию не устраивало такое положение дел, ведь данный проект открывал Пруссии путь к установлению политической гегемонии, однако, быстро ответить на такой шаг со стороны Пруссии она не могла, т.к. сильно ослабла после революции и мощной национально-освободительной борьбы, развернувшейся внутри Австрии [25, с. 54].

Австрия стремилась не столько к национальному объединению Германии, сколько к восстановлению Германского союза и Бундестага, где она занимала доминирующие позиции. Для этого Австрия выдвинула свой проект по объединению Германии - «Империя 70 миллионов», который предполагал объединение немецких государств с включением всех областей Австрии. Ввиду этого проекта, где в объединённую страну войдут все германские государства и все народы Австрии, включая венгров, чехов и словаков, сербов и хорват, поляков, румын и проч., данный путь получил название «великогерманский». Выражение этого проекта выразилось в Мюнхенском соглашении или «Союзе четырёх королевств», который подписали Бавария, Саксония, Ганновер и Вюртемберг.

Действия Пруссии Австрия легко представила как незаконные, ссылаясь на то, что революция не отменила Союзный акт 1815 года, а значит Германский союз не ликвидирован [25, с. 2]. В 1850 году Пруссия ещё не имела того могущества, которым она прославлялась уже во второй половине XIX века. Бисмарк, говоря об этих событиях, так описывает положение дел: «В настоящий момент мы должны по возможности избегать разрыва. У нас нет достаточных сил, чтобы сдержать натиск австрийцев, если они внезапно на нас нападут, даже без помощи саксонцев. Нам придётся отдать им Берлин и объявить мобилизацию в двух центрах вне столицы, скажем, в Данциге и в Вестфалии; к Берлину мы могли бы стянуть лишь через две недели около 70 тысяч человек, но и этого было бы недостаточно против тех боевых сил, которые Австрия уже сейчас имеет наготове против нас. Если мы хотим ударить, то нам прежде всего необходимо выиграть время, а поэтому надобно желать, чтобы прения и речи, предстоящие в палате депутатов, не ускорили разрыва, как это можно предвидеть по тону, господствующему в прессе» [6, с. 49]; и, действительно, ещё один повод к австро - прусскому конфликту - конституционные противоречия в Кургессене, активизировали и военную подготовку Австрии на случай войны с Пруссией [44, с. 2].

Таким образом, между Пруссией и Австрией сформировался скрытый конфликт ещё в середине века. Это противостояние с каждым годом только нарастало, что было очевидно уже не только самим политикам в Германии, но и за рубежом. Например, Федор Александрович фон Фельжман (Управляющий делами Военно-учёного комитета Главного штаба в Российской империи) так писал в своих воспоминаниях: «между ними [Австрией и Пруссией] вопрос победы и/или поражения есть вопрос жизни или смерти; при таком положении борьба может окончиться только с совершенным низложением которой-нибудь из них» [38, с. 1].

Как уже здесь упоминалось, Австрия стремилась сохранить Германский союз, что позволило бы ей удерживать доминирующие позиции среди германских государств. Стремления Австрии хорошо понимало правительство Пруссии. Именно поэтому конфликт с герцогствами Шлезвиг и Гольштейн послужили завязыванию открытого столкновения двух сильных держав. Пруссия стремилась присоединить эти герцогства, отвоевав их у Дании, т.к. они имели стратегическое преимущество в расположении у моря. Для Австрии такие действия выступали как угроза Германского союза, участницей которого была Дания. Пруссия в данном конфликте показала себя как защитница немецкого населения герцогств, которые якобы были угнетаемы Данией.

По Венскому договору 1864 года герцогства переходили в совместное ведение Австрии и Пруссии, однако, такое положение дел не удовлетворяло истинных намерений держав. Данное событие стало лишь одним из поводов к войне между Пруссией и Австрией 1866 года [26, с. 4].

Ухудшение отношений между державами можно наблюдать и в воспоминаниях Бисмарка, где явно оговаривается, что никого дуализма быть больше не может, хотя такая идея долго им рассматривалась: «С тех пор как во Франкфуртском союзном сейме идея австро-прусского дуализма [в Германии], под впечатлением которой я туда явился, уступила место сознанию необходимости оградить наше положение от нападков и

хитроумных интриг председательствовавшей в сейме державы [Председательство в Союзном сейме Германского союза принадлежало Австрии]; после того как я уверился, что взаимное сближение Австрии и Пруссии представляет собой юношескую мечту, возникшую под влиянием освободительных войн [имеется ввиду война против Наполеона 1813-1815 гг.] и школы; после того как я убедился, наконец, что той Австрии, на которую я до тех пор рассчитывал, для Пруссии не существует...» [7, с. 209].

В главе по рассматриваемым событиям войны с Данией за герцогства Отто фон Бисмарк уже ставит противостояние с Австрией не просто в вопросе текущей войны, а в вопросе объединения, где упоминает великогерманский план: «Вы говорите о государственном комплексе с 70-ю миллионами населения и миллионом солдат, о том, что, сплотившись, он должен противостоять Европе; следовательно, вы допускаете, что Австрия будет душой и телом предана политике, которая доставит гегемонию Пруссии; и все же вы ни в малой степени не доверяете государству, которое включает в себя 35 из этих 70 миллионов. Я также не доверяю ему; но я нахожу целесообразным, чтобы Австрия была в данное время заодно с нами; настанет ли когда-нибудь час разлуки, и кто её вызовет, — покажет будущее» [7, с. 211].

Таким образом, данный мир продержался всего два года. Из приведённых выдержек видно, что конфликт между Пруссией и Австрией 1866 года не был неожиданностью. Однако, Бисмарк указывает на некую выжидательную политику, где Австрия временно будет союзником Пруссии, но в будущем настанет «час разлуки...»

Таким образом, здесь рассмотрены основные исторические аспекты, касаемо взаимоотношений Австрии и Пруссии. Именно этот аспект (в большей части политический) является основной предпосылкой формирования двух немецких исторических школ - малогерманской и великогерманской.

«Малогерманская школа историков» выделялась в немецкой исторической науке преимущественно в 1850-1880-е гг. Это название связано с тем, что ее сторонники активно выступали за объединение Германии под руководством Пруссии, противопоставляя себя великогерманскому движению, ориентированному на Австрию.

Идеи малогерманцев отражали взгляды умеренно-либеральной буржуазии, готовой к сотрудничеству с прусскими юнкерами в вопросе объединения страны. К ключевым фигурам этой школы относятся Генрих фон Зибель (1817–1895), Иоганн Густав Дройзен (1808–1884) и Генрих фон Трейчке (1834–1896). Также к малогерманцам примыкал известный историк античности Теодор Моммзен. Малогерманцы критиковали позитивистские подходы в исторической науке. Например, Дройзен, один из ведущих методологов этого направления, в своей работе «Очерки историки» (1867) резко осудил позитивистскую теорию истории, утверждая, что она игнорирует три ключевых аспекта исторического развития: случайность, свободу воли и идеи людей.

Хотя малогерманцы находились в рамках немецкого идеалистического историзма, они привнесли новые элементы в его развитие, что свидетельствует о влиянии позитивизма на их идеи. Малогерманцы отвергли объективный подход Л. Ранке и признали предвзятость исторической науки. В отличие от Ранке, они также считали развитие общества закономерным и прогрессивным. Они акцентировали внимание на экономических факторах в истории и отклонили мистицизм Ранке, не рассматривая религиозные идеи как определяющие для исторического процесса. Тем не менее, их теоретические взгляды оставались в пределах немецкого идеалистического историзма, где основными категориями были государство, нация и политика, а политическая история становилась центральной темой их исследований.

Малогерманские историки с консервативно-либеральных позиций анализировали новую историю Запада. Зибель в своей «Истории Французской революции» признавал прогрессивный характер революции, считая её высшей точкой правление жирондистов. Войны Конвента с 1792 по 1794 годы он расценивал как захватнические, а революцию 1848/49 годов в Германии оценивал неоднозначно, считая её главным достижением появления умеренного парламентаризма.

В работах малогерманцев прослеживается культ прусского монархического государства, который стал особенно заметен после объединения Германии. В 1879 году Трейчке опубликовал «Историю Германии в XIX веке», где утверждал, что все успехи национального развития Германии в XVIII–XIX веках были связаны с ролью Пруссии. Он связывал подъём немецкой культуры со второй половины XVIII века с военными победами Фридриха Великого, которые якобы способствовали росту национального самосознания немцев. Трейчке критиковал либеральные и демократические движения в немецком обществе как противоречащие прусским государственным традициям.

Как уже было сказано, главным оппонентом малогерманской школы историков было великогерманское направление. Вопрос о великогерманской идеи не особо тщательно изучался на современном этапе. В связи с этим, в его значении и интерпретации возникает некая неоднозначность. С 1848 года данное направление не было оформлено в виде конкретной модели объединения Германии, а существовало лишь как оппонент малогерманскому развитию. До 1851 года выделяется «великоавстрийская» концепция, которая лишь отстаивала включение в Германский союз всех Габсбургских владений. В 1850-е гг этот термин больше звучит в публицистике в значении истинного патриотизма немцев (в противовес прусскому). с 1862 года это движение уже устойчиво ассоциируется с членами проавстрийского консервативно-католического Союза реформ. Негативное отношение к данному течению резко

возрастает после поражения Австрии в войне с Пруссией. К концу XIX века термин «великогерманский» включает в себя, во-первых, сторонников возрождения Габсбургской империи, а также противников республиканского движения в Германии, во-вторых, объединения различных консервативно-католических кругов и партий, стремившихся сохранить династию Габсбургов на немецких землях.

Подробное изучение данного термина тормозилось рядом причин. Во-первых, данное течение проиграло в борьбе с малогерманской концепцией и долгое время рассматривалось лишь на заднем плане, а в центре большинства исследований были национальное немецкое движение, политика Отто фон Бисмарка, милитаризация и т.д.; во-вторых, данное течение подвергалось критике не только со стороны его оппонентов - сторонников малогерманского пути, но и протестантов, т.к. деятельность сторонников великогерманской идеи все больше приобретала одностороннюю католическую точку зрения. Для современности эта тема не является актуальной ввиду одного заблуждения - великогерманская школа положила начало формированию нацистской идеологии. Однако, эту концепцию путают с «всегерманской», которая включала в себя ряд практически противоположных великогерманской концепции идей: «всегерманцы» критиковали австрийских политиков и монархию Габсбургов, целью объединения страны вместе с Австрией здесь выступают не национальные или исторические интересы, а усиление и ожесточение внешней политики. Все это сформировало некую туманность в вопросе о значении великогерманской идеи и ее содержательном аспекте. [28, с. 7; 20]

Как политическое направление эта школа просуществовала недолго. Уже в 1866 году, после австро-прусской войны, оно пошло на спад и вскоре прекратило свое существование. Однако, в немецкой историографии оно оставило след и получило свое развитие. Главным центром этого направления стала Вена, где в 1854 году был основан

«Исторический институт». его приоритетным изучением стали средневековые архивные документы. Нельзя сказать, что все историки этого института стремились интерпретировать историю в пользу Австрии. Так, например, Т. Зикель считается основателем института, был известным австрийским историком-медиевистом, издавал крупные публикации источников; или такие крупные исследователи как Г. Бруннер - исследователь германского права; А. Люшин - развивал нумизматику как научную дисциплину; и тд. Иными словами, не сам институт был основан для поддержки правительства, но лишь часть историков, работавшая в институте, развивала великогерманскую идею в истории. [52]

Вокруг института сложилась группа сильных источниковедов. Великогерманская школа развивалась также в Венской академии наук и Инсбрудском университете. [41, с. 105] Ее представляли католические историки Баварии, Вюртемберга и рейнских областей. Главным признаком, который объединял этих историков была единая историческая концепция апологии католицизма, критика Реформации и прусского протестантизма. [30, с. 432]

Глава 2. АНАЛИЗ ТРУДОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАЛОГЕРМАНСКОЙ И ВЕЛИКОГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКИХ ШКОЛ

2.1 Представители малогерманской школы

Генрих фон Зибель является наиболее ярким представителем малогерманской школы. На протяжении всей своей жизни он занимался исторической наукой, однако, независимой от политики она в его трудах не была. Изучение каких-либо событий и явлений в истории было подкреплено политической причиной. Кроме того, Зибель принимал и активное участие в политической жизни Германии и никогда не был к ней равнодушен. [20, с.2].

Зибель наиболее яркий представитель малогерманской школы. Несмотря на активную деятельность в исторической науке, долгое время, пожалуй, даже большую часть своей карьеры историка он имел дело с прусской политикой.

Генрих фон Зибель родился в Дюссендорфе в 1817 году. Его склонность к истории и даже его политические взгляды сформировались отчасти из-за той среды, в которой он воспитывался. Его отец был умеренным либералом и приверженцем Пруссии, дед имел склонности к литературе и богословию, он также написал статью «*Может ли путём революции человечество достичь улучшений?*». Мать Зибеля была склонна к искусству и отличалась эстетическими наклонностями.[47, с. 28].

Пристрастие Зибеля к истории возникло ещё в годы гимназии, где он уже интересовался Нибуром и зачитывался Бёрка (Эдмунд Бёрк (1729–1797) английский парламентский деятель и оратор). В 1834 году Генрих фон Зибель поступает в Берлинский университет, где знакомится с видными деятелями развитой немецкой научной историей – Савиньи и Ранке. Огромное влияние, которое оказал Ранке на Зибеля, когда последний был еще студентом видно из письма, которое Зибель писал

Ранке по случаю его докторского юбилея. В нем Зибель пишет, что лекции Ранке «открыли ему новый мир, и тот час раннего утра, когда молодой студент впервые явился в дом Ранке, чтобы принять участие в шедших там практических занятиях по истории, был «началом его научной жизни» и остался памятным навсегда [20, с. 4].

Становление Г. фон Зибеля как историка было долгим, он прошёл школу Ранке, однако, не остался пустым его подражателем. Ему удалось сформировать в себе строгие принципы в отношении исторической науки. Свою самостоятельность Зибель показал уже в докторской диссертации. Он не оставался холодным академиком, хотя считал, что история должна быть объективной и беспристрастной. Он придерживается мнения о великом значении личности в истории. Он всегда стремился объединять науку с современностью и общественностью. Он был сторонником мысли, что история должна иметь тесную связь с политикой. Немалую роль в его историко - политической деятельности сыграли его твёрдые политические установки. Зибель был сторонником тогдашнего немецкого либерализма, который наиболее ярко вбирал в себя идею умеренной свободы и сильного национального государства [20, с. 9]. Несмотря на то, что Зибель в дальнейшем отойдет от учения Ранке, все же их взаимоотношения останутся тёплыми, продолжится их переписка и обсуждения своих исторических трудов.

Генрих фон Зибель довольно скоро попал в плеяду выдающихся историков; ему было 23 года, когда он начал преподавать в Боннском университете. Этот университет стал популярен благодаря таких личностей как Нибур, Дальман, Арндт, Лебель. Специальностью Зибеля здесь стала средняя история. В этот период он пишет «Geschichte des ersten Kreuzzugs» («История первого крестового похода»), где уже рассмотрел события крестовых походов со своей точки зрения, внёс некоторые изменения в обычное на тот момент представления об истории крестовых походов и, конечно, обратил тем самым на себя внимание. Для историков

этот труд и сегодня актуален. Эта работа ещё не имеет ничего общего с современными автору событиями.

Линия с современностью проводится у Зибеля, начиная со второго его труда – «Возникновение Германского королевства» 1844 года. Здесь уже ясно прослеживаются взгляды и самого историка – Фридрих Вильгельм IV у него «романтик на троне», Зибель против романтизма, отвергает наличие национального самосознания немцев в момент их поселения в пределах Римской империи, большая роль в возникновении Германского королевства и формировании быта немцев отводится Риму. Эти положения вызвали в научной среде споры и полемики, в частности, возмущения выказал Вайц (ученик Ранке), Дан.

В 1844 году Зибель покидает Боннский университет и переходит в Марбургский, где ему предложили ординатуру.

С 1845 года начинается условный новый этап в жизни Зибеля, здесь он знакомится с новой плеядой выдающихся ученых: Целлером, Бергком, Бунзенем; со средневековой истории Зибель переходит на изучение новой. Здесь же он начинает работу над своим самым знаменитым трудом – «Историей Французской революции».

К этому времени уже сложились его историко - политические взгляды; на них большое влияние оказали идеи Борка. В политическом отношении он отстаивал правовое государство, конституционную монархию, умеренную свободу и сильное национальное государство. На то время такие идеи были близки немецким либералам, к которым и склонялся Зибель. В этот же период начинается его активная политическая деятельность; он участвует во Франкфуртском предварительном парламенте и подаёт голос за его продление; выступал против создания немецкой республики; заседает в Гессенском ландтаге в качестве депутата от университета, где выступает как против консерваторов, так и против демократов. В 1850 году он сблизился с Дройзенем и Максом Дункером – выдающимися историками.

После революции 1848 года Зибель возвращается к научной деятельности, но уже со своими политическими взглядами, которые вынуждают его оставить работу над историей римской империей и написать «радикалам брошюру», в которой будет показано к каким последствиям привели стремления к революции во время Великой французской революции. Впоследствии эта брошюра разрослась в 6-томный труд по «Истории Французской революции 1789 – 1800», над которым он работал более 25 лет [20, с. 9].

Для того времени этот труд оказался первой документальной работой по истории Французской революции, для её создания Зибель обращался к различным документам: акты «Комитета общественного блага», бумаги Прусского генерального штаба, Парижского департамента и корреспонденцией голландских дипломатов. Постепенно, ему открывали доступы к архивам министерства иностранных дел в Берлине, Лондоне, Вене и Париже.

Таким образом, можно ясно понять, что несмотря на политический мотив Зибеля, все же проходила огромная историческая работа, где историк стремится основные выводы подкреплять историческими фактами и уже на них строить какие-либо заключения. Кроме того, Зибель трезво подходит к трактовке тех или иных событий, исключает поэтичность и ясно вплетает свою умеренную либеральность. Например, он критикует декларацию прав человека за её космополитичность и абстрактность. В противоположность ей он считает, что строительство государства должно основываться на более чётких национальных принципах. О Конституции национального собрания Зибель также отзывался критично: «Общий результат был тот, что слова Екатерины императрицы «Франция имеет 1200 законодателей, которым никто, кроме короля, не повинуется» вполне оправдались» [20, с. 10].

Удивительно актуальными для того времени оказались взгляды Зибеля и на демократическую революцию французского народа: основная

цель такого движения – это устранение нацией всех мнимых авторитетов, что прослеживается со времени разрыва со средними веками во всей Европе. Во Франции было стремление разрушить все то, что «душило» её, и революция добивается свободы для человека хочет освободить страну от бесцельных, произвольных тягот. Однако, Французская революция переходит в борьбу не просто с фальшивым авторитетом, но и с нравственностью; идёт к ограблению собственности, называя это экономической свободой, насилие над высшим сословием – всеобщей правоспособностью; провозглашая свободу религии – сама разворачивает религиозные гонения на князей церкви. Таким образом, стремясь что-то обновить, эта революция только разрушает. Хотя Зибель не отрицает, что революция привела к слому феодализма в Европе, который без неё сохранился, быть может, ещё столетие. Однако, для Зибеля такой рывок обновления не оправдывает большее зло, которое несёт революция. Хотя главной причиной такого бесповоротного разрушения Зибель видит именно в безнравственности, в которую погрузилась Франция из-за длительного утверждения феодализма и консерватизма. [16, с. 5]

Такой основательный труд по истории Французской революции сделал Зибеля одним из первых историков Европы. Из тихого Марбурга он переезжает в Мюнхенский университет. Хотя этот момент в его биографии оказался довольно противоречивым, и сам Зибель испытал трудности при таком переходе. В Мюнхен его пригласил Баварский король Макс, который имел личный интерес к истории и стремился привлекать в Мюнхен «лучшие силы» для совершенствования образования. Для Зибеля это был непростой выбор, ведь уже тогда разворачивается противостояние Австрии и Пруссии; Зибель – протестант с либеральными убеждениями и прусскими симпатиями был готов отказать королю Максиму, однако, здесь влияние на Зибеля оказал Ранке. Он писал ему: «Отказ с вашей стороны я бы находил основательным и, может быть, сам посоветовал его, если бы речь шла об обыкновенном переходе в другой университет. Но я гораздо

выше цену перемену, которая Вам предстоит. Вам необходимо поприще, соответствующее Вашим талантам; Мюнхен представляет вам такое; должны ли Вы его себе запереть из-за разницы в содержании?...»[Ranke, Zur eigenen Lebensgeschichte, стр. 882-3]

Ранке был прав на этот счёт. Зибель активно расширял свою историческую деятельность, продолжал исследование революционной эпохи, расширяет свою научную деятельность при «Исторической Комиссии при Баварской Академии Наук» [20, с. 14].

Хотя историческая деятельность Зибеля не имела чисто политической окраски и не служила (по крайней мере в зрелые годы его деятельности) целям прусской политики. Его точка зрения о том, что университет и наука непременно должны быть во взаимодействии, нашла своё выражение в основании журнала «Исторический журнал». По сути, журнал основывался для научных целей – здесь должен был утверждаться верный метод исторического исследования, а также, он должен был объединить в себе деятельность современных историков. Конечно, не ставилась задача освещать текущее политическое положение дел, либо, выступать центром немецкой публицистики. И, действительно, журнал быстро набрал популярность среди историков – представителей самых разных направлений, которые смело выражали свои мнения и результаты исторической работы.

Однако, самым запоминающимся моментом в истории данного журнала стала именно полемика Зибеля с Юлиусом Фиккером – сторонником великогерманского пути объединения Германии. Очевидно, что главным предметом полемики оказалась именно политика, причём, самый актуальный на то время вопрос – объединение Германии [47, с. 71].

Помимо всего этого, Зибель продолжает читать лекции в университете, которые очень быстро стали публичными. Лекции были посвящены самым разным историческим событиям, во многих прослеживается его уклон к мнению, что немецкие государства должны

поступиться своими частными интересами ради объединения Германии. Хотя, именно одна из подобных лекций привела к отъезду Зибеля из Мюнхена. Это была речь 1859 года «Über die neuem Darstellungen der deutschen Kaisereit» («О новых представлениях германских императоров»). В ней Зибель обрушился с критикой на средневековый период немецкой истории (что и делал раньше, например, в своём втором историческом труде «История Германского королевства»); императорство данного периода, по Зибелю не имело в своей деятельности никаких национальных целей, а только захватнические. Стремление императоров к внешним завоеваниям и построения Великой империи были в ущерб самим немцам. Таким образом, в данный период императорство не проявляло какой-либо заботы о народе и не удовлетворяло его национальные интересы, чем само себе и подготовило гибель. Зато в большей степени национальным потребностям отвечала деятельность короля Генриха I, герцога Лудольфа и Генриха Льва.

Данная речь не выходила за рамки исторического контекста, однако, вызвала бурные обсуждения в связи с современными для того времени вопросами: положение Австрии по отношению к немецким государствам, её преобладание в политическом плане, её историческом превосходстве как преемнице средневековой империи.

Речь вызвала не просто обсуждение, но даже спор историков. В ответ на нее последовал трактат Фикера «Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen» (1861 г.) - «Императорская империя в её универсальных и естественных проявлениях», где он высказывает мнение, что такое исторический подход не является истинным, а лишь служит современным политическим и общественным вопросам. Кроме того, в данной статье он показал себя как явный сторонник великогерманского пути объединения Германии. Именно с этого события и разворачивается на страницах журнала Зибеля знаменитая

полемика с Фиккером, которая чётко обозначила взгляды малогерманского и великогерманского путей в общественно-политической мысли Германии.

После переезда из Мюнхена в Бонн Зибель становится не просто историком с политическим уклоном, он принимает активное участие в обострившемся на тот момент политическом вопросе – военная реформа. Долгое время он следил за данным вопросом, находясь ещё в Мюнхене, теперь же, он ведёт активную политическую деятельность в парламенте в качестве депутата. Для него этот вопрос имел принципиальный характер, ведь он напрямую нарушал конституционные законы. Рассмотрение данного вопроса привели Зибеля к оппозиции правительству. Он осуждал современные ему события – деятельность Пруссии в Польше 1863 года, война с Данией. Хотя со временем он признал, что такая политика действительно привела к возвеличиванию Пруссии. Уже к концу 60-х гг он сделался большим почитателем Бисмарка и активно публиковал труды, где выявлял исключительно правильную деятельность Прусского правительства. Активная политическая деятельность приостановилась по болезни Зибеля. Деятельные выступления в палате продолжились ещё в 70-е гг, особенно в период «культуркампа». С этого момента Зибель основательно становится сторонником консерватизма, малогерманского направления.

Однако, постоянное высказывание о политическом положении в стране, поддержка прусского правительства и деятельность, характерная для малогерманской школы выражалась и в большом количестве речей и статей, которые писались в связи с днями рождения боннского университета. («О развитии абсолютной монархии в Пруссии» (1863 год), «Пруссия и Рейнская область» (1865 год), «Новая Германия и Франция» (1866 год) и др.) В них формулировалось его личное отношение в политике: умеренная политическая свобода в сочетании с патриотизмом и сильное национальное государство.

Для позднего периода его деятельности так же характерно тесное переплетение истории и политики. Например, его историческая книга 1868 года «Oestreich und Deutschland» («Австрия и Германия»), которая по большей части служит дополнением к «Истории революционного времени». В книге он даёт оценку австрийской политике при Тугуте, однако, каждое замечание по-прежнему чётко подкрепляет источниками и документами.

Разумеется, его историческую деятельность часто осуждали и критиковали за его субъективность и склонность к оценке в исторических трудах современной политической ситуации. Например, Гюффер писал, что Зибель писал об Австрии иначе, если бы оставался только историком. В ответ на такое высказывание, Зибель в упомянутом труде в предисловии пишет: «Свой взгляд на австрийско - немецкие отношения я открыто заявил задолго до 1866 года и пришёл тогда к двоякому убеждению: во-первых, - что реальные интересы Германии и Австрии не тождественны и, следовательно, прежнее руководство и господство Австрии в Германии, создаёт неестественное, вредное для обеих сторон отношение, а затем, что их интересы, хорошо понятные, в важнейших пунктах внешней политики, идут параллельно, и, следовательно, по уничтожении неестественного отношения, тесный, искренний и вечный союз обеих держав лежит в природе вещей. 1866 год подтвердил первую часть моего убеждения, и вторая половина нашла себе в возможно близком времени подобное-же подтверждение» [14, с. 13]. Таким образом, Зибель не был слепым националистом, он вполне ясно предполагал и возможный союз Австрии и Пруссии, несмотря на события 1866 года [20, с. 21].

Можно указать и на его позицию по отношению присоединения территорий Эльзаса и Лотарингии 4 августа 1879 года. Данная победа для Пруссии омрачалась общественным настроением, ведь население вошедших территорий по большей части были недовольны тем, что они больше не в составе Франции. Не остался равнодушным и Зибель, хотя

здесь он оказывает поддержку прусскому правительству: ««Нам кажется несомненным, что немецкое сердце забьётся в них ещё быстрее, чем ими была приобретена французская оболочка» [4, с. 51].

Данный вопрос он объяснял некой природой, что такое поведение объясняется тем, что территории несколько поколений были частью Франции, но истинное немецкое чувство, заложенное в них природой очень скоро позволит им опомниться и осознать, что это было сделано для их же блага [20, с. 2].

Именно таким образом, Генрих фон Зибель, обретя большую общественную популярность и выработав собственные качественные методы исторического анализа способствовал возвышению Пруссии, оказывал постоянную политическую поддержку в силу своих патриотических и национальных побуждений.

С 1875 года Зибель переходит в Берлин и прилагает большие усилия над работой по исследованию прусской истории. Он занимает пост директора государственного архива, продолжает редактировать «Исторический журнал», активно работая с архивными источниками продолжает работу над историческими трудами. Эти труды уже были приближены к его современности, он так или иначе в «Истории основания Германской империи Вильгельмом I» касался не только главного события - объединения Германии, но и объединения Италии, годы второй империи во Франции. Несомненно, эти актуальные вопросы «недавней» истории набирали большую популярность в обществе. Интерес вызывало и то, что его труды все больше основывались на исторических источниках, ему были открыты практически все архивы, документы, некоторые источники личного происхождения; правда, после отставки Бисмарка его доступ к источникам ограничился, возможно, в связи с недоверием, ведь, по его собственным словам, он благодаря этого доступа мог следить точнейшим образом за каждым поворотом прусской политики.

***

Иоганн Густав Дройзен родился в 1818 году в Трептове-на-Рейне. Дройзен с малых лет сформировал в себе склонность к Пруссии и национальные патриотические чувства. Это связано и с той средой, в которой он воспитывался. Его отец был военным священником, жизнь которого шла рука об руку с военными событиями тех лет и самой прусской армией. Он находился с прусской армией при её отступлении в 1806 году, участвовал в создании Трептовского отделения Тугендбунда в 1811 году, не остался равнодушным при взятии союзнической армии Парижа в 1814 году. Иоганн, будучи ребёнком, рос в гуще тех общеевропейских событий, благодаря отца, уже многое понимал в политике и в войне, он ни раз слышал об унижении немецкой нации в годы французского владычества, что ещё в ранние годы заложило основы для его патриотизма. Как сын протестантского священника он из отчего дома вынес преданность протестантскому вероисповеданию. Все это рано сформировало в нем убеждение, что немецкая нация должна стать единым государством [10, с. 7].

С 1826 года он поступает в Берлинский университет, который на тот момент, как уже известно, достиг больших успехов в исторической науке. Он стал символом стремления Пруссии преобладать и в научном мире. Наиболее известные историки и филологи, такие как Вольф, Фихте, Беккер, Гегель - и многие другие, преподавали в университете именно в этот период. Несомненно, их лекции и семинары, личная встреча Дройзена не могли повлиять на его становление как историка.

Прусский государственный деятель и историк Бартольд георг Нибур занимался исследованием римского государства, его истории, пожалуй, один из первых стремился рассмотреть данный исторический период с научной точки зрения. Именно поэтому он особое внимание уделял ещё неисследованным сохранившимся памятникам, в том числе папирусам. В этом он помог и Дройзену, когда последний принялся изучать папирусы древней Греции и Рима и даже написал по ним несколько статей.

Непосредственным учителем Дройзена стал Август Бёк - блестящий знаток античности, исследователь древних Афин. В своём труде по истории эллинизма Дройзен не раз упомянет его и его примечания к источникам.

Удивительно, но в работах Дройзена часто прослеживается гегелевское учение, его методы и его подходы. Многие исследователи открывают для себя в Дройзене другого Гегеля, отходящего от сухих схем, не имеющем ничего общего с конструктивными методами. И, действительно, Гегель разрабатывал прекрасные подходы к изучению истории. Это следует не только из его научных подходов. Нельзя не учитывать, что Гегель был очень образованным и начитанным человеком, разумеется, он осознавал, что к исторической науке нужны свои особенные подходы, которые так полноценно вобрал в свои труды Дройзен. Кроме того, Дройзен имел много общего с Гегелем: осознание глубины и чувственности в истории античности, приверженность к протестантизму, которая проявлялась и в научной работе и, наконец, склонность к прусской государственности, что было так актуально среди немецкого народа, тем более в среде исторической мысли.

Однако, Дройзен не вышел с университета чистым гегельянцем, что, возможно, и сказалось на том факте, что он стал историком, а не филологом. В своём труде он писал: «Нам нужен какой-нибудь Кант, который критически рассмотрел бы не исторический материал, но теоретическое и практическое отношение к истории и в истории, указал бы, например, в некоем аналоге нравственного закона, категорического императива истории, живой источник, из которого проистекает историческая жизнь человечества. Но, может быть, этого достигла «Философия истории»? Я полагаю, что нет, поскольку она признала прошлое и настоящее лишь экземплификацией логики, признала историю за автомат пусть даже столь великолепной системы диалектического движения; я полагаю, что нет, поскольку, достигая в принципе личности

некоего нового исходного пункта, она все же демонстрирует лишь неясности, повторяя их тысячи раз» [10, с. 12].

В 1830 году Дройзен публикует свою первую статью, а в 1836 году уже защищает диссертацию. Вся его историческая деятельность на тот момент относится к изучению античности, в чем он блестяще преуспевает. Он быстро набирает популярность в научной среде за его новый взгляд на героев античности и исследование, основанное на неизученных ранее папирусах.

Изучение античности в Пруссии также имело популярность и развитие и в связи столь актуальным на тот момент политическим вопросом - национального объединения страны. Для Пруссии данный период был интересен тем, что античность могла стать прообразом имперского объединения страны, но не национального. Это был некий ответ Австрии на её романтизацию Средневековья и его изучения с той целью, чтобы доказать своё право преемственности доминирования над объединёнными германскими землями.

Известно, что изучение античности получило активный толчок ещё в начале XIX века. Сравнение античности и Германии (именно - Пруссии) развил в Берлинском университете Бартольд Нибур и Йоханнес Классен. Исторически доказать преемственность немецкого народа к Элладе пытался Карл Готфрид Мюллер. Подобное утверждал и Якоб Фальмерайер. Он считал, что современные греки, это славяне, а античные - являлись германскими племенами. В последней концепции речь идёт уже о Пруссии, в составе которой было большое количество славян.

Нетрудно заметить, что Дройзен продолжал именно эту линию. Его склонность к Пруссии и его политические взгляды проявились ещё в период его активной политической деятельности. Так, в 40-х гг он принимал участие в антидатской борьбе в Шлезвинге и Гоптштинии. Во Франкфуртском парламенте он открыто заявлял своё мнение об объединении Германии под властью Пруссии, проводя при этом параллели

с объединением греческих полисов царём Филипом II Македонским [56, с. 7].

Дройзен активно занимается переводом древнегреческой литературы. Например, перевод Эсхила, к герою которого сам Дройзен явно был равнодушен, ведь в этих трагедиях так явно звучал патриотизм героя к Греции - преодоление персидских войн, отстаивание своей свободы - этого желал и Дройзен для Германии. Например, вот как он характеризует значение победы греков над персами: «Особенность греческих освободительных войн заключалась в том, что они принесли не утомление, но прилив новых сил, они не поблели и не сгнули во множестве мелких талантов, но проникли в глубокомысленный дух великого поэта, чтобы это богатство было сохранено для будущего» [10, с. 10].

Наконец, наиболее ярко такое противопоставление Древней Греции и Германии проявляется в его трудах «История эллинизма», вышедший в трёх томах с 1833 по 1843 гг. Особенно это явно из первого тома. Многие исследователи работ Дройзена отмечают следующую особенность - его исторический труд не является субъективным и не создавался в качестве политического оружия Пруссии в борьбе с Австрией. Хотя в историографии преобладает точка зрения, что Дройзен имел основной целью в написании истории эллинизма показать на её примере современное ему состояние раздроблённой Германии [39, с. 23].

Политический мотив историка проявился в преобладании изучения государственности древних греков, что не могло не соотноситься с раздробленным состоянием Германии того времени. Дройзен восхваляет сильное государство, рассматривает его как источник синтеза Запада и Востока и процветания народов. Для его современников это действительно «кричащая» точка зрения, ведь на тот момент в условиях господства Ренессанса и гуманистического индивидуализма, государство рассматривалось как монстр, поедающий человеческую индивидуальность.

Сам Дройзен пишет об этом: «От меня не ускользнуло то, что я пришёл к такому пониманию эллинистического времени, которое полностью отличается от общепринятого. Тогда как эта эпоха обыкновенно считается огромным пробелом, какой-то мёртвой зоной в истории человечества, отвратительным нагромождением (Ablagerung) всяческого вырождения, гнилья, оцепенения, для меня эта эпоха есть живой член в цепи человеческого развития, наследница и деятельная распорядительница великого завещания, носительница более великих определений, которые должны были вызревать в её лоне. Я бы хотел, чтобы мне удалось убедительно показать это её значение. Ведь высочайшей задачей нашей науки является теодицея» [10, с. 21].

Дройзен хорошо принимал развитие греческих полисов в условиях партикуляризма, но он чётко указывает на то, что это время прошло, что им необходимо было объединиться, чтобы восстановиться после борьбы с персами. Он писал, что именно раздробленность привела греков к такому разрушению, что и сами греки поднимали не раз вопрос объединения: «В Греции хорошо видели, в чем заключался корень зла. Во время борьбы с лидийским царём Фалес убеждал соединить все города Ионии в одно государство таким образом, чтобы впредь каждый город составлял только одну из общин этого государства. И когда началось персидское завоевание, Биант Приенский советовал всем ионийцам сообща выселиться и, водворившись на дальнем западе, осуществить то, что посоветовал Фалес. Но все предшествовавшее развитие эллинского мира, его главная сила и расцвет были обусловлены полной свободой передвижения и той подвижностью, с какой эллины распространялись во все стороны и везде пускали новые ростки, этим бесконечно жизненным партикуляризмом общин, одна другой меньше, который, занимаясь с самодовольным равнодушием, какое только можно себе представить, ближайшими и касавшимися его лично делами, теперь оказался величайшей опасностью, настоящим «панэллинским бедствием» [10, с. 24].

Создание афинянами первого морского союза было отличным шагом на встречу объединения, по мнению Дройзена, афиняне не воспользовались этой возможностью и зря не лишили союзников политической автономии: «Быть может, он и придал бы другую, более прочную форму заключённому Афинами морскому союзу; теперь же организовавшие его государственные люди ограничились более свободными формами, равноправностью входивших в состав его государств и пощадили их партикуляризм. Вредные последствия такой организации союза не замедлили скоро сказаться; необходимость принуждать к исполнению союзных обязанностей, карать упушения, сопротивление и отпадения превратила руководящий город в правящий и деспотический, свободные союзные государства в подданных, подчинённых даже юрисдикции аттического демоса. [10, с. 26].

Нельзя не сказать и об оценке Дройзенем демократического строя в Афинах. Именно перед этим политическим строем поклонялись гуманисты, однако, немецкий историк показывает его другую сторону, что для XIX века актуально отнести к периоду Французской революции: «...демократические страсти доставили слишком большую силу разрушительному рационализму, воспитавшего среди него олигархов, которые теперь, пользуясь под управлением Тридцати полной свободой, начали поработать измученный народ», «демократия - опасная форма государственного строя» [10, с. 29].

Бедствия в олигархической Спарте Дройзен также связывает со все больше растущим партикуляризмом, кроме того, в характеристике этого полиса прослеживается и чисто гегелевская точка зрения.

У Дройзена «эллинский мир дробился на все более мелкие атомы, ... сохранить дальнейшее господство, над которым не могла исключительно механическая и внешняя сила Спарты» [10, с. 32]. «С каждым днём становилось все яснее и очевиднее, что времена атомного партикуляризма, частичных союзов с гегемонией или без неё прошли, что необходимы

новые государственные формы, панэллинистические, столь широкие, чтобы в них могли выделиться друг из друга смешанные понятия города и государства...» [10, с. 38]. Однако, здесь Дройзен не просто высказывает свою точку зрения на раздроблённое состояние Древней Греции, несомненно, он опирается на тот факт, что и сами греки это осознавали, и не раз писали об этом, в доказательство этого историк приводит не мало отсылок к трудам древних греков.

Дройзен отмечен в историографии и как создатель исторического термина «эллинизм», хотя считается, что и не в том значении, которое ему придавали сами греки. Другой термин, который приписывают Дройзену - пруссачество. Введение этих терминов сравнивают с созданием двух ключевых трудов - «История эллинизма» и «История политики Пруссии». как в эллинизме Дройзена видят яркую картину раздробленного состояния Германии, так и в термине «эллинизм» видят сравнение с термином «пруссачество», где также можно наблюдать некоторое сходство.[44, с. 25]

Дройзен всю свою жизнь будет работать с исторической наукой ради Пруссии. После «Истории эллинизма» развернётся широкая работа над прусской историей. Однако, историческая наука будет иметь своё развитие и в лице этого историка - его труд «Энциклопедия и методология истории» станет большим шагом в развитии исторической методологии. Со временем и в исследовании античности Дройзен все же сменит свой стиль написания исторических трудов - они станут более научными, сухими, точными, увеличится количество исследованных папирусов, документов, монет.

Иоганн Дройзен имел политический уклон и не скрывал этого в период своей активной политической деятельности. Однако, его патриотические чувства и сострадательность немецкому народу в период его унижения от французов не помешали ему стать достойным и , пожалуй, одним из великих немецких историков второй половины XIX века.

Свои взгляды, где изложены положения его малогерманского уклона в исторических исследованиях Иоганн Дройзен последовательно изложил уже в своём не менее значительном историческом труде - «История политики Пруссии», которому он посвятил 30 лет жизни. Хотя этот труд в полной мере можно отнести к научному исследованию ввиду его большого количества использования историком различных документов и чёткая научная аргументированность, все ещё эта работа считается довольно субъективной и рассчитанной больше на сторонников малогерманского подхода [26, с. 11].

Таким образом, Иоганн Дройзен стал сторонником малогерманской школы, в своей исторической деятельности имел политический уклон, однако, в его трудах отдаётся дань развитию объективной науки; его национальные и патриотические прусские чувства стали мотивом написания большого исторического труда. Однако, это не являлось одним из оружий прусской политики, хотя бы потому что Дройзен не уклонялся от разработанных на тот момент методов исторического исследования.

Кроме того, следует и здесь напомнить, что значило для XIX века историческая наука и какую роль играла. Историческая наука возвышала университеты, а вместе с тем и города, она исследовала знатность того или иного рода, она решала право преемственности монархов Австрии и Пруссии; история стояла на пике популярности не только среди университетских преподавателей, но и в общественной жизни страны. Она развивалась, искала свои, отличные от других наук, методы исследования. На фоне такого положения исторической науки и немецкие историки второй половины XIX века имели огромную популярность, их точка зрения для многих являлась актуальной и весомой [50, с.128]. Сами историки не то, чтобы стремились пользоваться своей популярностью, используя её в политике, но оправдано полагали, что раз уж история имеет такие обороты развития и столь близко стоит к актуальным общественно-политическим вопросам, она должна приносить этому пользу. Хотя среди

малогерманской и великогерманской школами часто объективность истории и её исследовательский уклон в политику стирались национальными чувствами и патриотизмом самих историков [23, с. 9]. Сам Дройзен не считал, что изучение истории с целью поиска ответов на современные общественные вопросы будет уклоном от научного метода исследования. Он часто подчеркивал, что качественные поиски и исследования историка порождаются личным интересам историка к проблемам его собственной эпохи.

***

Генрих фон Трейчке (1834-1896 гг.) также является наиболее ярким представителем малогерманского исторического направления. Трейчке популярен не только как историк, но и как политический идеолог. Кроме того, Трейчке считается «глашатаем национализма» в Германии во второй половине XIX века. Действительно, он является автором большого количества статей, посвящённых «немецкому вопросу», которые несомненно, хотя бы в силу своей актуальности, были очень популярны в Германии.

Трейчке оставил после себя огромное наследие научных работ. В истории наиболее крупным отмечают 5-томное издание «Истории Германии в XIX» веке. Также он много писал и в других наиболее актуальных на тот период научных сферах: «Наука об обществе», «Лекции о политике». Было выпущено огромное количество статей, посвящённых наиболее актуальным вопросам современного ему общества. Например, он быстро отреагировал на вопрос Эльзаса и Лотарингии после их присоединения к Германии. Им была опубликована статья «Чего мы требуем от Франции?», где формулируется несколько мнений по данному вопросу в защиту прусского правительства. Причём, почти во всех его политических статьях в той или иной степени прослеживается национализм. Например, в вышеупомянутой статье он пишет: «Мы, немцы, ..., лучше знаем, что принесёт пользу этим несчастным, которые в

кривом зеркале жизни в составе Франции оставались без верного понятия о современной Германии, ... Мы хотим вопреки им самим помочь вернуть свое подлинное я». [5, с. 371]

В его работах чётко формулируется и обосновывается идея авторитарного государства. И хотя на первых порах историк был ещё сторонником либерализма, все же он довольно быстро пересмотрел свои взгляды, стал больше склоняться к консерватизму. Несомненно, в большей степени на его взгляды повлияла деятельность Отто фон Бисмарка. В своих политических лекциях он обосновывает такой принцип, по которому любое политическое мышление должно начинаться с признания того факта, что люди не являются равными по своей природе; кроме того, он полностью отвергает идею естественного договора - что, по сути, очень близко к консервативным взглядам.

Вполне ожидаемо, что позднее Трейчке становится официальным историком Пруссии, что для представителей малогерманской школы было в порядке вещей. Именно такое официальное положение не мешало ему в своих лекциях открыто пропагандировать определённые политические взгляды, ссылаясь на историю [34, с.3].

Генрих фон Тройчке не стеснялся выражать свои взгляды по тем или иным вопросам, даже касаясь истории и политики. Он осуждал историю за то, что в ней не требуется никаких дополнительных объяснений, а сам «описательный» историк мало что чувствует. В этом он видел причину отсталости исторической науки. «История никаких дополнительных объяснений не требует, поэтому она сегодня так сильно отстаёт от других наук. Описательный историк мало что чувствует, извлекая теорию из фактов, а с другой стороны, исторический смысл медленно проникал в умы юристов и философов»; зато он высоко ценил деятельность Гердера, который «первым научил немецкому языку; научил немецкую нацию мыслить исторически» [5, с. 39].

Упор на Гердера в данном контексте крайне интересен. Гердер как историк развивал идею о том, что история формируется от человечества, как единого организма, однако, он стремился придать каждому народу свою национальную особенность, что отразилось на его изучении искусства и фольклора. Он также определял, что в каждую эпоху определённому народу принадлежит особая роль в историческом процессе. Действительно, Гердер ни раз делал упор на необходимости у народа его национального духа. Раскрывая концепцию прохождения цивилизацией естественных стадий, свойственных живому организму, он призывает историков обращаться к более ранним (молодым) периодам отечественной истории, где они смогут возродить дух своей нации [23, с. 5].

Вспомним, что для историков малогерманской школы была характерна идея национального немецкого духа, именно его часто искали в истории Средневековья и античности. Этим духом, часто и пытались оправдать право Пруссии преобладать среди германских государств. Поэтому даже в упоре на Гердера Трейчке проявляет склонность к его взглядам.

Не в самой скромной форме Генрих фон Трейчке выражает свои мысли и далее, например, относительно причин упадка «науки о государстве» в период Средних веков - ограниченность исторического периода теологией. Далее Трейчке развивает свою мысль: разбить эту ограниченность смог именно Мартин Лютер: «Чистое историческое чувство не может процветать под доктриной, которая сужает, будь то учение богословское или философское, и все Средневековье было ограничено своей теологией. Мужчины больше не исследовали вещи, существенные для Государства, а вместо этого попытались подчинить его Церкви. Мартин Лютер сломал свои узы, и люди снова начали осознавать его суверенитет» [5, с. 38]. Опять же протестантизм как «движение освобождения». Далее на этот счёт можно встретить более субъективные

высказывания относительно протестантизма: «Жизнь народов исчисляется веками, и приговор может быть вынесен лишь тогда, когда какой-то определённый этап их истории относительно завершён. Если взять конкретные примеры, возникает множество загадок, которые мы не можем разгадать. Если бы об итальянцах в 1858 году или о немцах в 1868 году сказали, что они получили по заслугам, это было бы сразу же опровергнуто; но в духе мировой истории можно уловить Божественное постановление. Сегодня в Австрии немецкое население стонет от грехов своих отцов; вся страна была евангелизирована, но Реформация была задушена жестокой силой оружия, а не превосходящей духовной силой. Прежде всего, люди должны иметь выдержку твердо поддерживать то, что оно признало правильным и истинным. До сих пор можно сказать, что немцы Австрии получили по заслугам, поскольку им не удалось поддерживать принципы протестантизма с той же энергией, что и немцы Севера» [5, с. 62]. Данная выдержка более явно демонстрирует противостояние двух исторических школ. Напомним, что речь идёт не о публицистическом трактате, а о лекциях в университете. Подобное произошло и с Зибелем, хотя он не упоминал современные для общества «больные» вопросы, а оставался в рамках Средневековья, но и такая лекция в Баварии вызвала целый диспут и даже «обнажила» политические противоречия и личные убеждения короля Баварии и историка Зибеля.

Трейчке полностью отвергает теорию Естественного закона образования государства. Естественные законы более предсказуемы, в отличие от правительства. Историку никогда до конца не разгадать определённую теорию развития государства хотя бы потому, что, по мнению Трейчке, её творят личности, а «загадка личности всегда остаётся неразгаданной...»; «Историю творят отдельные люди, такие как Лютер, Фридрих Великий или Бисмарк. Эта великая героическая истина будет жить вечно, и то, как случается, что нужный человек появляется в назначенное время, всегда будет загадкой для нашего смертного разума.

Время формирует гения, но не создаёт его. Несомненно, в истории действуют определённые идеи, но способность неизгладимо запечатлеть их в эпоху даётся только гению какого-то конкретного человека, появившегося в определённое время» [5, с. 42].

Возвеличивание роли личности в истории, также характерно для историков малогерманской школы. Несомненно, здесь рассматриваемые представители явно отвечают требованиям своей эпохи, ведь для Пруссии второй половины XIX века характерен авторитет Бисмарка и оправдание его «железной» политики.

Генрих фон Трейчке и далее не упускает возможности «послужить» Пруссии в своих рассуждениях. Говоря о ключевой роли личности в истории, он в пример берет именно Пруссию: «Пруссии были близки определённые сочетания внешних обстоятельств. Ей благоприятствовало её географическое положение, простирающееся с Востока на Запад. Более того, в её пределах были крайности религиозных взглядов. Таким образом, она была особенно подготовлена к тому, чтобы стать борцом за духовную свободу для всей Германии. Поэтому можно было бы посмотреть на неё, чтобы вдохнуть новую жизнь в Священную Римскую империю, но не следует далее утверждать, что из Пруссии эта новая жизнь неизбежно должна зародиться. То, что это произошло, было не предопределённой необходимостью, а заслугой гениальных людей, направлявших ход политических событий» [5, с. 42].

Общее у Трейчке с малогерманской школой, да и в целом, со взглядами Бисмарка прослеживается и в отношении монархии: «Монархии должен принадлежать княжеский дом, сросшийся с нацией в ходе их совместной жизни. Только такая правящая семья, как эта, способна возвыситься над партиями. После революции во Франции не осталось династии, которая могла бы занять эту позицию. Таким образом, сразу же представилось зрелище: монархия ищет монарха и не может его найти» [5, с. 43].

Хотя Трейчке во многом отвечает «запросам» современной ему политики, не стоит забывать, в каком историческом контексте выстраивались рассматриваемые исторические взгляды. Роль личности в истории формируется ещё раньше под впечатлениями достижений Наполеона, хотя для самой Германии это обернулось не республиканскими свободами, а «иноземным владычеством»; симпатии к монархии также во многом обоснованы крушением Французской республики. Критика католицизма может сводиться к простому факту, что римский папа выказывал несогласие с тем, что Германия нуждается в объединении, что, несомненно, наносило большой удар по национальным чувствам самих немцев. В первой главе рассмотрено, насколько Пруссия была религиозно терпимой, что даёт основание сделать вывод, что протестантизм воспевался лишь в том смысле, что католицизм - это противник объединения Германии под гегемонией Пруссии. Здесь стоит рассматривать сопротивление католицизму как сопротивление и Австрии, поэтому даже в исторических и научных трудах данное рассмотрение является неким «требованием» политической обстановкой внутри страны.

2.2. Представители великогерманской школы

Самым ярким представителем великогерманского исторического направления является Юлиус Фиккер (1902 гг). он родился 30 апреля 1826 года в аграрном районе Вестфалии. Он изучал историю в Бонне, где в 1849 году защитил докторскую диссертацию. Свой научный подход к изучению исторических источников он выработал благодаря своего наставника - знаменитого Франкфурдского городского библиотекаря Иоганна Фридриха Бемера. В 1852 году его пригласили в Инсбрукский университет, в котором он проработал до конца своей жизни. Здесь он специализировался на средневековой имперской и юридической истории, по которой и опубликовал свои наиболее знаменитые работы «Исследования по имперской и правовой истории Италии» (1868-74 гг) и «Вклады в доктрину

документов» (1877-1878 гг.). его работы имеют большое значение благодаря богатому фактическому материалу в содержании и тщательной обработке источников.

В отличие от Зибеля, он никогда не принимал активного участия в политической жизни общества, а обратившись к науке, заявлял, что история не должна подстраиваться под текущие запросы общества, а должна быть беспристрастной [13].

Выше уже упоминалось про знаменитый спор Ю. Фиккера и Г. Зибеля. По сути, спор являлся наивысшей точкой конфликта двух исторических школ и длился в среднем четыре года. Именно эта полемика побудила Фиккера написать такой труд, где он смог бы ясно изложить свои взгляды, высказанные в ходе полемики.

Основой спорой служила оценка внешней политики Священной Римской империи - на сколько она отвечала национальным немецким интересам, на сколько положительно или отрицательно она повлияли на последующую судьбу немецкого народа. Зибель утверждал, что главный мотив итальянских походов - личные амбиции правителей, которые стремились «в погоне за прошлым величием» установить власть к югу от Альп, тем временем реальным национальным интересам отвечали бы натиск на Восток, в Польшу и Прибалтику.

Данная дискуссия являлась не совсем обычным столкновением двух исторических точек зрения. По сути, оба эти историка одновременно отвечали на два вопроса: «Должна ли Австрия быть в составе Германского государства?», «Какая роль в Германском государстве отведётся Пруссии?», данные вопросы являлись крайне важными для текущей политической ситуации в Германии. Это была не просто политичная история, а поиск ответа на вопрос: создание единого государства происходит с помощью «национального народного духа» или лишь династической политикой, отдельными правителями - наследниками Габсбургами.[31, с. 430]

Как уже отмечалось выше, спор начал Зибель своим выступлением в Баварской академии наук перед Максимилианом II. Его публичная речь была ответом на труд Вильгельма фон Гизебрехта. В своём труде История германской империи (Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Volume 1855-1888) он показал себя как сторонник периода империи, так как по его мнению, в этот период народ имел власть и личную свободу: «Более того, период Империи — это эпоха, когда наш народ, укрепившийся благодаря единству, поднялся до положения власти, когда он мог не только свободно определять свою собственную судьбу, но мог также повелевать другими народами, и где немец пользовался своей величайшей властью в мире, а немецкое имя имело самое богатое звучание».[7, с. 6]. В противовес этому Зибель выступил с публичной речью, где утверждал, что вся имперская политика в Италии приводила к бессмысленным потерям и, тем самым, предавались «национальные» идеи. Осуждая действия Оттона I, он противопоставляет ему политику его отца Генриха Птицелова, который во внешней политике делал акцент на восток.

Такой позицией Зибель намекает, что истинное немецкое государство должно быть сосредоточено на Востоке, куда уже с XII века расселялись немцы, образуя такие герцогства как Пруссию, Саксонию, Силезию. В свою очередь, Зибель заявлял, что формирование германского государства не может произойти из остатков распавшейся в 1806 году Священной римской империи, а должна произойти там где германизация восточных земель была достигнута объединенными силами всех германских племён.

В ответ на это Фиккер дал довольно весомый аргумент даже для наших дней. По его мнению, в X в не было место таким категориям как «национальный» или «немецкий», так как в то время люди осознавали себя не «немцами» как «нация», а членами конкретных племён: Саксонских, Франконских и тд.: «национальные стремления в национальном смысле были совершенно чужды десятому веку; это неправомерное перенос современных взглядов»... «каждому германскому племени соответствовала

страна, исконная территория, в которой преобладал один язык, одно право, отличное от языка, от прав соседнего племени, и которое также могло быть первоначально прослежено до того же корня... Конечно, теперь все они были объединены во Франкской империи; но все же слишком короткое время, чтобы мысль о государственном единстве могла пустить более прочные корни». [3, с. 35;38]

В ответ Зибелю и Гизебрехту он заявил: «Однако Рейх, в основании которого национальное сознание, как говорят, имело решающее значение, ещё не был назван немецким».[3, с. 20] Это подтверждает современное мнение о том, что этот период средневековой империи назывался термином, под которым он появился: Священная Римская империя. Кроме того, по мнению Фиккера, среди немцев не только не существовало понятия «нация» в современном ему смысле этого слова, но не было и противоречий в сосуществовании с римской нацией; германцы также не чувствовали никакой сознательной противоположности римской государственности, что они охотно подчинялись её порядку, поскольку это казалось правильным при сохранении их свободных институтов, что их вожди гордились присвоенными им или принятыми ими титулами наместников Рима. Империя, как наиболее одарённые германские короли видели в империи Императора образец всякого богемского государственного строя, стремились в своих творениях опираться на его устройство, по крайней мере, по сравнению с романами, по возможности занять положение императора. С именем императора по-прежнему ассоциировалось понятие более полной и обширной власти, чем у германского короля; к нему было связано множество самых разных притязаний»[3, с. 24]

Данную позицию подтверждают и исследования Юлиуса древних источников, где он замечает, что и слово «немцы» используется больше в Италии, чем среди самих немцев. И сами итальянцы далеко не всегда заявляют о своём различии с немцами: «напротив, обычай называть саму

империю Германской, понимать её как основанную на национальной основе, несомненно, исходил не от самой нации, а от Италии; там впервые с начала нашего тысячелетия выражение *Regnum Teutonicum* встречается в хрониках, а затем и в документах. На территории самой нации, если не считать языковых границ, внутренние противоречия племён проявляются более ярко, чем общие для всех внешние; напротив, внутренняя противоположность чужой нации менее заметна, она придерживается общего, как, впрочем, и все мы, романисты. Тем более что для итальянцев это было близко, поскольку они часто вступали в военные походы немецких правителей не только с соседними племенами, но и со всеми немецкими.[3, с. 47]

Я имею в виду, что, помимо всех других заявленных причин, уже одно то обстоятельство, что немцы ещё не называли себя национальным именем, должно запретить нам приписывать возникновение Германской империи национальным мотивам.»[3, с. 46-48]

Позиция Зибеля нам уже знакома из предыдущей главы, где раскрывались представители малогерманского направления в историографии. Чтобы понять позицию Юлиуса Фиккера в данной полемике, следует обратиться к его труду «*Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen*» ("Германская империя в ее универсальных и национальных отношениях»). Именно в этом труде были изложены основные взгляды Австрийского историка.

Юлиус Фиккер в своем труде дает последовательное описание мировоззрения немецких правителей и народа германской империи периода Средневековья. Он раскрывает основные идейные основания существования империи. Говоря о становлении империи, о периоде империи Карла Великого, он указывает, что основой этих имперских стремлений были вовсе не национальные мотивы, не стремление объединить нацию в единое государство.

В противовес современному ему мнению, что государство должно быть сформировано на основе национальных чувств и среди преимущественно одной нации, Юлиус выводит ряд других важных факторов, которые не менее крепко могут сплотить народы других национальностей. Один из таких признаков - общий родной язык: «Что сближало человека с человеком, заставляло его более живо осознавать чувство единения, чем общий родной язык. Если там, где общий язык господствует уже с самого начала, часто сводится к общему происхождению, к общим установкам и взглядам, то в национальной культуре, которую несёт в себе язык, это самое драгоценное достояние каждого народа, одновременно присутствует действующая сила, которая сильнее, чем любая другая, действует на все более и более постепенное ослабление языкового влияния, на общие установки и воззрения. внутренние противоречия, все более определённое формирование единых взглядов, укрепление внутреннего сознания, необходимость составлять единое целое для всех говорящих по-разному, необходимость совместно представлять перед ними общие интересы - с равенством языка тесно связано также равенство мышления, всего понимания жизни. Где это только происходит [3, с. 27]

Отличительной чертой национального государства является его язык, и в общности языка мы полагали, что, прежде всего, следует отдать должное национальному государству. Однако, различные части нации ещё не могут окончательно прийти к согласию благодаря общности языка, они вступают в силу только тогда, когда общий письменный язык становится достаточным средством общения для образованных, все более широких кругов, когда на его почве вырастает настоящая национальная литература. Однако сами наши письменные речи, а тем более их распространение по всей стране, являются лишь продуктом длительного исторического развития...

Следует отметить, что этого важного момента в те времена вообще не существовало. В качестве письменного языка, пригодного для всех

государственных и церковных отношений, охватывающего самые узкие круги общества, языком не отдельных народов, а всего Запада был латинский, язык императора, язык Церкви; существовала только одна литература, латинская; при всем разнообразии языков и наречий она предлагала образованным людям лёгкое средство общения. Это обстоятельство едва ли можно переоценить при оценке государственного положения тех времён...»[3, с. 27-29]. Данные рассуждения несомненно подтверждают важность единого языка для национального государства. Однако, автор стремился показать, что Империя легко справлялась с тем недостатком, что её подданные владели разными языками, латинский язык объединял тех, для кого взаимопонимание и письменность были действительно необходимы.

Ещё один признак, объединяющий подданных Германской империи Средневековья были право и судебная система. По мнению, Фиккера, Германская империя обеспечила единое право и судебную систему во всей империи, что в большей степени отвечало интересам немцев: «языковым границам в то же время придавалось ещё одно объединяющее значение, имевшее первостепенное значение. Ничто так не волновало германца, как его исконное право, ничто так не оживляло позднее противоречия германских племён, как различие сословных прав; даже здесь, по эту сторону и за её пределами действовало одно и то же франкское право, одна и та же судебная система часто могла охватывать римлян и немцев».[3, с. 31]

Наконец, наиболее важным, по мнению автора критерием существования Германской империи, является западная церковь: «мысль о том, что единство духовного порядка должно соответствовать и мирскому, что один и тот же закон, основанный на божественных учениях христианства, должен применяться ко всем христианам как в церковных, так и в мирских делах, что и у светского порядка должен быть глава, как и у церковного, чтобы и император, и Папа, независимые друг от друга, но

тесно связанные, преследующие одну и ту же цель, могут повсюду поддерживать друг друга, чтобы показать божественный закон в духовных и мирских делах, чтобы сохранить мир и согласие между всеми христианскими народами, положить конец всем братоубийственным войнам, объединить их силы для решения задач по объединению и расширению территории великого общего порядка.»[3, с. 25]. Уже в таких высказываниях прослеживается мысль о каком-то неписаном приоритете немецких императоров над миром вместе с общемировой (Западного мира) церковью. Однако, автор убежден, что именно служение императоров интересам римской церкви и являлось истинным проявлением политики императоров в интересах своих подданных. Единая для всего Запада церковь стирала все национальные различия и противоречия и способствовала развитию внутри империи: «...тот факт, что церковный порядок по-прежнему достигал высшей точки в Риме, привел его к наиболее живому взаимодействию с германской сущностью. Этот процесс растворения, это смещение и проникновение в молодое, свежее германское существо с римско-христианскими эленицами сделали возможным только развитие образования, которое мы с гордостью называем нашим.» [3, с. 17]

Кроме создания общего единения, церковь оказывала большое влияние на границы империи: «Задолго до того, как предполагалось более тесное политическое объединение германских племен, они, поскольку они были христианами, были объединены в церкви в рамках германской церковной программы Майнца, основанной X Бенифациусом. А когда позже было создано несколько немецких архиепископств, провинция Майнц оставалась объединенной под властью одного правителя; Каждый последующий раздел империи немецких Каролингов почти неизбежно должен был разорвать единство провинции Майнц; поэтому неудивительно, что архиепископы Майнца во главе немецкого духовенства выступали за единство всеми доступными им средствами, прежде всего

стремясь предотвратить его окончание. На протяжении веков Майнц был истинным оплотом политического объединения немцев.

Таким образом, если немецкие имперские границы часто пересекали языковые границы и, напротив, так поразительно совпадали с церковными границами, то мы вряд ли можем больше спрашивать, что определяло эти границы.»[3, с. 51]

Такое существование империи на крепких, по мнению автора, основаниях, послужило формированием германскими племенами собственной политической структуры ещё до объединения с Пруссией. Эта структура почти полностью была основана на немецких обычаях, которые сохранялись и в последующем развитии, и проявлялись уже тогда, когда королевская власть в германских государствах не была такой сильной. Именно эта немецкая политическая структура со временем восстанавливала положение герцогств. Таким образом, политическое развитие немецкой нации, находившейся в составе империи, не всегда отвечало интересам этой нации, но было наиболее подходящим для удовлетворения наиболее разнообразных интересов.

В подобного рода рассуждениях, автор не дает какой-то конкретики, например, что это за разнообразные интересы, если они не отвечают интересам нации, или, что характеризовало эту политическую структуру немцев, которая восстанавливала герцогства. Несомненно, такие общие суждения с еще не утвердившимся в полной мере в научных кругах терминами очень не легко дать максимально объективную оценку.

Однако, в работе присутствуют места, где автор рассуждает о роли Германской империи в жизни всей Европы, где снова прослеживаются необоснованное превосходство немецких правителей над другими. Юлиус Фиккер не отрицает, что у некоторых правителей Германской империи были свои личные неоправданные интересами империи стремления к мировому господству, которое приводило к негативным последствиям для внутренних структур империи.

В целом внешняя политика Германской империи была преимущественно «спасительной» как для самих немцев, так и для Италии. «Хорошо известно, как распавшаяся империя была окружена врагами со всех сторон: норманнами, славянами и венграми, греками и сарацинами; и если мы склонны недооценивать грозящие нам опасности, если нам кажется, что эти нападения не просто угрожали и угнетали западное христианское существо, они могли бы также свергнуть его, могли бы нарушить совершенно иной, конечно, не лучший порядок вещей, поэтому мы судим только по тому успеху, который действительно имел место, но забываем поднять вопрос о том, был бы ли успех таким же без возрождения Германской империи, не был бы только этот успех таким же, если бы не возрождение Германской империи.» кроме внешних врагов, автор указывает, что для Италии характерна и внутренняя раздробленность: «Несмотря на все благоприятные обстоятельства, сложившиеся в то время и часто повторявшиеся в последующие периоды, Италия всегда оказывалась неспособной к формированию здорового и сильного государственного устройства на национальной основе... Как бы то ни было, помощь иностранцев в формировании упорядоченного государственного устройства всегда оказывалась в Италии необходимой, потому что только они могли противостоять сопротивляющимся, самым многочисленным местным партийным интересам...» [3, с. 68] В то время из всех западных правителей только король германский мог ожидать достаточного решения итальянского вопроса, только он как король Италии мог объединить королевство, обеспечить его внешнюю и внутреннюю безопасность и как император выполнять обязанности, возложенные на него в интересах всего христианского мира. [3, с. 75] Здесь автор убежден, что Италия - страна наиболее образованная, по сравнению с остальной Европой и имеющая много благоприятных обстоятельств, создать собственное национальное государство, никогда не стремилась к этому, а лишь порождала раздробленность тем, что отдельные местные элитные

группы постоянно боролись за власть. В связи с этим, Италии необходима была внешняя помощь, а оказать ее мог только немецкий император. Именно, он был способен принести мир Европе, в частности, Италии, потому что действовал в интересах христианского мира и его империя обладала высоким уровнем обороны: «Само существование этой огромной империи в центре части света должно было сделать почти невозможным большие колебания европейского государственного строя, пока она сама сохраняла спокойствие, сохраняла свои границы, но не стремилась к их дальнейшему расширению... Имперская власть настолько превосходила любую другую в оборонительных целях, что имперские границы могли считаться неприкосновенными для любого внешнего врага, что само название Рейха, пока оно было непоколебимо, оставалось неприкосновенным»[3, с. 77]

Интересно, что Фиккер подкрепляет свою точку зрения мнением самих итальянцев. Он уверен, что они и сами видели в Германской империи спасителя, своего правителя. «Проницательные итальянцы тех времен, которые привыкли следить за ходом партий на благо всего Отечества, не могли этого не понимать; и ничто не могло быть более важным для нашего понимания, чем то, что в то же время величайший мыслитель нации был самым восторженным восхвалителем императорской власти. Через все произведения Данте проходит жажда их возрождения; например, когда он позволяет Рудольфу Габсбургскому покаяться за то, что он смог залечить раны Италии, и не смог, когда он угрожает немцу Альберту небесной карой за то, что он не схватил сильной рукой поводья, чтобы остановить взбесившегося итальянского коня. и снова, когда он радостно приветствует Генриха Люксембургского как долгожданного спасителя, который, наконец, снова пересекает Альпы, чтобы отвезти невесту домой после долгих мытарств, когда он пытается проложить путь своему герою через глубокомысленные рассуждения». [36, с. 8]

«Не следует упускать из виду и ход нашей истории, который неоднократно указывал нашим правителям на мировое господство, конечный предел которого лежал в весьма туманной дали. Но не по этим идеям мы должны судить о ценности империи ; Германская империя была существом из плоти и крови, мы должны судить о ней не по тем мыслям, которые высказывались здесь и там, а по ее фактическому существованию, продолжавшемуся веками, которое, безусловно, дает нам представление о слишком замкнутом, слишком замкнутом обществе»[3, с. 86].

Выделяя ряд важных и глобальных преимуществ существования Германской империи: «не подчиняя его могуществу единого правителя, в котором силы различных наций и племен были объединены для больших общих целей, не препятствуя свободному развитию личности путем уничтожения единообразия; создавая государственный союз; распад которого привел к колебаниям всех властных отношений, полный распад которого привел к тому, что все нации и племена объединились для достижения больших общих целей; и в то же время не препятствуя свободному развитию отдельных людей; формируя государственный союз; распад которого привел к колебаниям всех отношений власти, полный распад это совпало с самым серьезным разрушением всех европейских властных отношений»[3, с. 99], Фиккер ставит вопрос: действительно ли, Германская империя долгое время находилась на стадии упадка и «умирания», и ее воззрения, на которых она основывалась были бессмысленными? Чтобы ответить на этот вопрос, он сравнивает Германскую империю с организмом индивидуального человека, который, будучи полностью здоровым, не гарантирует, что пройдет все фазы нормального развития и не будет при этом нуждаться в дополнительном укреплении сил, т.к. он постоянно находится под угрозой многочисленных внешних и внутренних факторов.

Этими обстоятельствами для германской империи стали притязания различных племен на собственную власть по древним законам, стремление

ограничить существующую независимость церкви, а также осуждение церкви за то, что она не выполняет ряд тех обязательств, которые, по мнению автора, лежали на императоре. Таким образом, император, стремясь найти компромисс с различными лидерами племен, все больше ограничивал себя, свою власть и свое передвижение, однако, именно это послужило причиной того, что он стал не способен выполнять свои привычные обязанности. «Некоторые превратности судьбы, некоторые причины, заложенные в отдельных личностях, а также в общих условиях, привели к тому, что успех не соответствовал тем обоснованным перспективам успешного развития, что вскоре Империя пришла в упадок, а вместе с ней ослабли и более тесные узы, связывавшие нацию.» [3, с. 103].

Таким образом, Фиккер в своей работе четко излагает свою позицию, касаясь полемики с Зибелем. Он убежден, существование Германской империи имело преимущественно положительные последствия для немецкой нации и не мешало развитию национального чувства. Императоры преимущественно в своей политике отвечали интересам своих подданных, но не проводили четкой границы между немцами и итальянцами, как не проводили ее и сами подданные. Автор не отрицает, что некоторые правители действительно в своей внешней политике имели целью мировое господство, что разрушительно влияло на внутренние структуры империи. Кроме того, Фиккер убежден, что Германская империя была необходима и всей Европе и Италии хотя бы потому что была способна поддерживать баланс и гармонию за счет союза с Римской церковью.

***

Юлиуса Фиккера в его полемике наиболее ярко поддерживал Иоганн Янсен (1829-1891 гг) - католический богослов и историк, учитель гимназии во Франкфурте-на-Майне, священник. С 1851 года Иоганн Янсен является приват-доцентом академии Мюнстера, а в 1860 году принимает сан священника. В рамках его исторической деятельности, наиболее весомым

стал его труд «История германского народа на исходе средних веков» (1876-1888), где охватывает период с 15 века до начала Тридцатилетней войны. В ней он показал отрицательное влияние Реформации и Крестьянской войны. Что нередко объясняют современными ему событиями - проведение политики Культуркампа. Отрицательное отношение к этой политике могло пробудить в нем стремление доказать значимость католической идеологии и ее роль в борьбе с возможным социальным переворотом. По его мнению, Реформация является следствием пагубного влияния капиталистического духа, пришедшего в мирную сельскую жизнь из развращенных городов. Саму сельскую жизнь он показывает глубоко патриархальной, в связи с чем, немецкие крестьяне, в том числе и крепостные, не имели никаких претензий к церкви и никто никем не эксплуатировался. Под капиталистическим духом он подразумевает безудержную жажду наживы, которая и разрушила мирную сельскую жизнь.

В свою очередь, евангелизм является не столько религиозным учением, сколько следствием социального развития. Такая позиция для того времени была довольно новой, однако, нельзя сказать, что Янсен рассматривал этот вопрос со всех сторон, используя критический анализ. Проблема в его исследованиях была в том, что все указанные им источники и их дальнейшая интерпретация лишь подкрепляли его мнение относительно «добротого» католицизма, а средневековая деревня наполнена романтизацией «старого добротого времени» [42, с. 73].

В период с 1875 по 1876 гг он являлся членом рейхстага и относился к партии «Центра». Главное его сочинение «Geschichte des deutschen Volks seit dem Mittelalter» (томы 1-8, 1877-1894), - написанное с односторонней католической точки зрения, вызвало многочисленные оживленные возражения, на которые Янсен ответил сочинениями «An meine Kritiker» (1882) и «Ein второе Wort an meine Kritiker» (1883; новое издание, 1895) [57]. Партия Центр являлась политической партией, официально

оформившейся в 1871 году (с момента объединения Германии), однако, предшествующие ей организации существовали и раньше и представляли преимущественно интересы католической церкви, отстаивали права иезуитов на общественную деятельность, независимость католической церкви от государства, а в национальном вопросе, преимущественно - сторонники великогерманского пути. Однако, после объединения Германии под началом Пруссии, партия Центр не составляла оппозиции. Наверное, из тех требований, которые явно могли быть не удобны прусскому правительству - снизить государственные затраты на армию, а также их выступления против резкого милитаризма в стране. Однако, данное требование было вполне логичным и во многом отвечало интересам избирателей. Более того, в самой партии были представители не только католического вероисповедания, но и других конфессий, а требования программы формулировались так, что затрагивали и протестанстов. Например, в вопросе о независимости церкви от государства, оговаривалось, что речь идет о христианской церкви в принципе.

Иными словами, Иоганн Янсен не был равнодушен к политике, будучи историком, а с 1860 года и священником, он принимал активное участие в политике. Партия Центр также настаивала на сохранении христианских браков (еще не был введен гражданский брак), христианском воспитании в школах и тд. Для историографии его труды преимущественно ценны тем, что в них использовался новый вид источников бытового характера, благодаря которым автор охарактеризовал повседневную жизнь крестьян, их обычаи, нравы. Хотя и интерпретация таких источников была довольно произвольной [31, с. 478].

Сам Иоганн Янсен открыто не заявлял, что является сторонником конкретной политической концепции или признает только одну религиозную концепцию. В исторической деятельности он был убежден, что историк должен отложить личное мнение и опираться на факты. А в

своих письмах «своим критикам» он писал следующее: «От всего сердца я выступаю за единое объединение с отдельными конфессиями во всех областях, где существует взаимное понимание, в том числе против неверия атеизма, против врагов любой церкви. Даже при завершении моей исторической работы я всегда был далек от всякой конфессиональной озлобленности или даже вражды. Любой, кто знаком с протестантской литературой по истории Реформации, знает, сколько в ней проповедей католического учения»; «Моя цель также состоит в том, чтобы должным образом осветить сомнения моих оппонентов в борьбе, и, конечно же, не из желания полемизировать, и не из чувства ненависти, а просто с целью исторического познания истины, чтобы определить на чьей стороне находится фальсификация истины.» [1, с. 2; 5].

***

В данной главе были рассмотрены наиболее яркие представители малогерманской и великогерманской исторических школ. Их биография, анализ их трудов и их научная деятельность ясно показывают, в какой степени они выражали свою политичность, патриотизм, проявляли личные политические и социальные взгляды в своей научной деятельности. Однако, это не были просто любители публично поспорить на страницах исторических журналов - в большей степени, рассмотренные выше труды носили научный характер, исторические исследования сопровождались большой работой с историческими источниками.

Таким образом, деятельность рассмотренных в данной главе историков, является наиболее ярким примером того, как историческая наука переживает те или иных политические события. Пока историю пишут люди, полностью беспристрастной эта история не будет, т.к. историк будет даже неосознанно стремиться с помощью научного подхода отстаивать свои патриотические чувства, нравственные и политические убеждения.

ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ

3.1 Публицистика как исторический источник

Интерес историков к публицистике как к источнику формировался постепенно. Античные авторы использовали речи, памфлеты и публичные выступления как свидетельства политической борьбы, но не рассматривали их как отдельный вид источника. В Средние века и эпоху просвещения уже существовал большой пласт публицистических текстов (например, труды Мартина Лютера), но изучаться они стали гораздо позже.

Зарождение научного интереса к публицистике происходит лишь в XIX веке. Первыми проявили к ней интерес немецкие историки. Леопольд фон Ранке призывал историков опираться в своих исследованиях на источники, в том числе и публицистику. Широкое использование источников прослеживается также у рассматриваемых в данной работе историков. В России В. Г. Белинский и А. Г. Герцен рассматривали отечественную и зарубежную публицистику как инструмент социальных изменений, но конкретно историки редко использовали ее в своих исследованиях.

XX век уже вплотную исследует публицистику именно как исторический источник. Например, в 1920-1930-е гг советская историография активно привлекает революционную публицистику в написании «истории борьбы». Кебриджская школа в 1960-1970-е гг исследует публицистику как поле столкновения дискурсов. Французская школа «Анналов» включила прессу и памфлеты в изучение менталитетов. 1980-1990-е гг - период наибольшего внимания к публицистике. В рамках постмодернизма (Хайден Уайт) история является «нарративом», а публицистика - его ярким примером. В исследованиях тоталитарной пропаганды публицистика стала ключевым источником для анализа идеологий.[43, с. 7]

Есть несколько причин, объясняющих рост интереса историков к публицистике. Во-первых, правительственная цензура, существовавшая в разные периоды истории, повысила недоверие к «официальным» документам. Особенно это касается XX века, когда власти многое умалчивали в официальных документах и разного рода отчетах. Во-вторых, с XIX века возникает и активно развиваются тенденции к демократизации. Эти тенденции не обошли и историю; публицистика позволяет понять мнение «снизу», настроения общественности, которая не имела возможности заявить о себе официально (самиздат, подпольная литература).

Публицистика является важным историческим источником, который позволяет изучать общественные настроения, идеологические тенденции и ключевые дискуссии разных эпох. В отличие от официальных документов или сухих хроник, публицистические тексты отражают эмоции, мнения и полемику своего времени. В разные периоды своего существования - это всегда тексты, созданные для воздействия на общественное мнение. В нее входят такие источники как статьи, памфлеты, эссе, речи, открытые письма, газетные колонки. Публицистика призвана для конкретной цели, она создавалась, чтобы нести конкретное мнение в общество, чтобы что-то донести до общества. Информация, которая содержалась в публицистике могла носить политический (содержание программы партии, памфлеты, манифесты); социальный (размышления о нравах, критика каких-либо социальных явлений); литературный/научный (полемика в культурной/научной среде) характера.[46, с. 40]

Историки крайне аккуратно относятся к такому историческому источнику. Её изучают, потому что она способна показать общественные настроения той или иной эпохи, их отношение к какому-либо историческому событию. Так как публицистика являлась долгое время инструментом пропаганды, историки анализируют основные методы убеждения и манипуляции. Через публицистические тексты

прослеживаются взгляды ключевых личностей в истории. Конечно, публицистика не содержит точно изложенных исторических фактов, однако, анализируя искажения этих фактов, можно сформировать представления о тех или иных конфликтах эпохи.

Несмотря на все перечисленные преимущества публицистики, она имеет ряд своих недостатков как исторический источник. Во-первых, публицистика почти всегда субъективна, она отражает мнение, призвана убеждать, поэтому нередко факты, в ней содержащиеся искажены в угоду конкретной позиции. Во-вторых, тексты публицистики очень часто в истории проходили цензуру, оригинальный текст автора был «отфильтрован» той или иной редакцией. В-третьих, публицистика фрагментарна. В стремлении убедить в конкретном мнении, она содержит яркое описание одного события и не уделяет должное внимание другим, важным с исторической точки зрения, явлениям.[33, с. 43]

Такие преимущества и ограничения публицистики как исторического источника требует особой критичности и методики в её исследовании. Для начала, происходит внешняя критика. Она включает в себя атрибуцию текста, т.е. проверку её авторства. Это особый процесс, требующий привлечения дополнительных источников, ведь работы часто публиковали анонимно или под псевдонимом. Далее выясняется дата и место создания, важно, чтобы текст не был поздней подделкой. В публицистике и такое было нередко; подделка текста носила «разоблачительный» характер, и могла стать частью конфликта другой эпохи. После этого выявляется контекст публикации - где и как распространялся текст, подвергался ли он цензуре, являлся самиздатом или выпущен и распространён зарубежом.

Далее происходит внутренняя критика, т.е. анализ непосредственно содержания текста. Выявляются цели автора: пропаганда, полемика, сатира; анализ текста, изучающий использование кодовых слов (например, они были распространены в XX веке в советской публицистике) или

идеологических клише («враг народа», «прогрессивная общественность» и др.).

После этого, идет привлечение других источников: сравнение текста с источниками, относящимися к той же эпохи или повествующие о тех же событиях. В других исторических источниках также выявляется реакция современников на данную публикацию: цитирование публикации, правительственные меры (репрессии); вызвал ли текст дальнейшую полемику. Общественную реакцию и т.д.

Здесь раскрыта работа историков с публицистическими текстами лишь в общих чертах. Публицистика вбирает в себя довольно большое количество различного характера источников, все они отличались тематикой. Условиями издания, исторической эпохой и т.д. Поэтому, в большинстве случаев, историки не ограничивались вышеупомянутым анализом. Так, например, исследуя публицистику дореволюционной России, большое внимание уделяли анализу цензурных правок в статьях: что именно вычёркивалось из текста, как менялся смысл после редакции. В публицистике советского периода необходимо более глубоко изучать кодовые слова и идеологические клише. Больше внимания стоит обратить на цели автора, глубоко проанализировать политическую или экономическую обстановку на период написания текста и т.д.

3.2 Использование публицистики на уроках истории

История как учебный предмет среднего общего образования способствует не только усвоению знаний о прошлом, но и призвана способствовать личностному росту учащихся, приобщает к культурной, политической и экономической жизни общества. Основные задачи учебной дисциплины история в школе регламентирует ряд программных документов образования - Федеральный государственный образовательный стандарт, Историко-культурный стандарт.

ФГОС формулирует требования к личностным результатам учащихся:

1. Готовность и способность обучающихся к саморазвитию и личностному самоопределению;

2. Способность их мотивации к обучению и целенаправленной познавательной деятельности, системы значимых социальных и межличностных отношений, ценностно-смысловых установок, отражающих личностные и гражданские позиции в деятельности;

3. Социальные компетенции, правосознание, способность ставить цели и строить жизненные планы, способность к осознанию российской идентичности в поликультурном социуме [54].

Здесь будет подробно рассмотрен один из методических приемов преподавания истории в школе - использование исторического источника. В широком смысле слова, исторический источник - это памятник письменности. На уроках истории их применяют довольно давно. Еще в 1863 году профессор М. М. Стасюлевич высказал мысль о том, что непосредственная работа учащихся с историческим источником дает куда больше образовательных результатов, чем учебник. В школах все чаще организуют лабораторные работы, которые заключаются непосредственно в работе с первоисточником. Однако, для школьного курса документ должен играть лишь вспомогательную роль, а не расширять рамки школьного курса, поэтому исторический источник должен использоваться как дополнение к рассказу учителя и учебнику.

Для чего стоит использовать исторический источник? Во-первых, так на уроке реализуется принцип наглядности. Сам документ содержит речь автора с его историческим акцентом, устаревшими словами и некоторыми формальностями. Во-вторых, содержание источника обычно конкретизирует какое-либо событие или явление в истории, содержит развернутые аргументы. В-третьих, анализ содержания исторического источника развивает межпредметные компетенции учащихся, развивает способность построения аргументированной речи, исторического

сознания. Соответственно, привлечение исторического источника формирует интерес учеников к истории.

Для удобства исторические документы для применения на уроке имеют свою классификацию, отличную от той, что принята в исторической науке. Здесь выделяются две основные группы: источники, имеющие повествовательно - описательный характер, и актовые источники. Чаще, документы обеих групп хорошо дополняют друг друга, но не на уроках истории. Дополнительной группой является также памятники художественного слова.

Актовые источники включают в себя какие-либо политические, экономические, непосредственно юридические, хозяйственные (грамоты, указы, законы, прошения, договоры, росписи, следственные документы, отчеты, официальные речи и др.) документы.

Повествовательно-описательными источниками выступают, например, летописи, хроники, мемуары, письма, описания путешествий, личные дневники и др.

Отдельной дополнительной группой стоят памятники художественного слова. К ним относят произведения устного народного творчества: мифы, басни, песни, устойчивые выражения и др.

Методика работы с документами. На уроках истории документы могут использоваться как учителями, так и учениками. Учитель пересказывает сложные документы, если они трудны для понимания учениками; приводит краткие цитаты с или без ссылки на источник для укрепления своих аргументов; анализирует и обсуждает выдержки из документов, чтобы сделать свой рассказ более эмоциональным и убедительным. Для оживления повествования он использует прямую речь и дает характеристики личностей.

Чаще всего на уроках используются документы с повествовательным и описательным характером. Например, учитель может включить отрывок из хроники Жана де Венетта, где описаны бедствия Франции в период

Столетней войны: «В этом году виноградники... не возделывались; поля... не вспахивались; быки и овцы не ходили по пастбищам; церкви и дома... представляли груды печальных, еще дымящихся развалин».

Работа с документами для учеников усложняется в зависимости от их возраста, познавательных способностей и уровня подготовки. В 5-6 классах используются простые материалы, объемом не более 10-15 строк; в 7-8 классах увеличивается количество анализируемых хозяйственных и юридических документов; в 9-11 классах вводятся политические и программные документы.

Процесс обучения работе с документами состоит из нескольких этапов: 1) учитель демонстрирует пример разбора документа; 2) ученики анализируют документ под его руководством; 3) работают как под руководством, так и самостоятельно; 4) самостоятельно изучают документ как в классе, так и дома. В классе учитель знакомит учеников с документом и объясняет задание. Дома ученики готовят краткие сообщения и творческие работы на основе документа и учебного материала.

Работа с документами также включает: чтение и пересказ, составление плана; объяснительное чтение с предварительными и заключительными обсуждениями; самостоятельный анализ и ответы на вопросы; сравнение двух документов, которые дополняют друг друга и описывают одно событие; критическую оценку документа. Ученики учатся идентифицировать логически завершенные части, выделять главные идеи и находить доказательства для своих утверждений. Учитель предлагает им «прочитать, что сказано в документе», «привести соответствующее место из текста», «доказать на основе документа» и «подтвердить свое мнение».

Формат работы с документами усложняется в старшей школе. Их задания могут быть следующими: «выберите главное, второстепенное в содержании текста; мотивируйте свой выбор»; «определите причину

изучаемого события, к какому времени может быть отнесено данное явление или процесс» и т.д.[44, с. 99]

Ориентируясь на методику преподавания истории в школе, можно сказать, что тема выпускной квалификационной работы может быть использована на уроках всеобщей истории в 9 классе по темам: «Германия в первой половине XIX века» и «Монархия Габсбургов и Балканы в первой половине XIX века». Данная тема хорошо вписывается именно в использование на уроках публицистики и других исторических источников: выдержки из воспоминаний Бисмарка, цитаты из работ историков (они уже переведённые также в большом количестве представлены в работе). Кроме этого, можно привлечь информацию о споре историков, чтобы наглядно показать, как остро для немцев стоял вопрос объединения страны.

При создании такого урока была поставлена цель - Сформировать у учащихся представление об исторических событиях Германии в первой половине XIX века и о её общественно-политическом состоянии на протяжении XIX века. Актуальность такого урока заключается в необходимости развития у учащихся навыков критического мышления: анализ мнения, выделение главного и второстепенного, формирование основной мысли, формирование собственной оценки.

На данном уроке был поставлен ряд задач:

1. Сформировать представления учащихся о событиях в Германии в первой половине XIX века; актуализация знаний по деятельности Наполеона I и венского конгресса;
2. Умение выявлять причинно-следственные связи; Оценивать социальное, экономическое и политическое состояние общества
3. Умение работать с текстом и его анализировать;
4. Сформировать представление учащихся об общественном мнении Германии в XIX веке в связи с серьёзными изменениями для страны и нации

5. Сформировать у учащихся представления о необходимости политического и общественного участия в жизни страны, ценности своей страны и нации;

6. Сформировать у учащихся личный интерес к предмету история.

Для проведения урока необходимо предварительно подготовить раздаточный материал. На уроке предполагается два раза делить учащихся на группы, рекомендуется, для повышения социализации в классе, менять состав групп при повтором делении. К данному уроку можно дополнительно разработать презентацию, при возможности использования компьютера и мультимедийного проектора.

В зависимости от количества учеников, тексты раздаются либо сразу всем участникам группы, либо внутри группы учащиеся делятся на несколько подгрупп для работы с конкретным текстом. После работы с историческим источником, на доске должны быть сформулированы основные отличия великогерманских историков от малогерманских. В качестве подведения итога работы, несколько учащихся формулируют кратко тезис на основе этих отличий. Если учащиеся затрудняются проанализировать текст самостоятельно, учитель должен задавать наводящие вопросы: в чем суть текста, как автор относится к империи / монархии / Реформации и тд.

Таким образом, разработка данного урока позволит не только закрепить основные знания учебника, но и создаст ситуацию исследования для учеников, повысит интерес учащихся к теме урока, способствует лучшему запоминанию пройденного материала, способствует развитию критического мышления учащихся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе освещалась история Германии во второй половине XIX века, её главные исторические события и отражение этих событий в исторической науке.

Непродолжительное существование малогерманской исторической школы является не типичным примером в истории. Многие страны переживали подобные исторические преломления, не менее значимые для их дальнейшей судьбы, однако, такой всеобъемлющий феномен прослеживается не везде.

Малогерманская и великогерманская исторические школы — это яркое проявление добровольного служения исторической науки политической жизни государства. Несомненно, в исторических исследованиях крайне важна объективности и беспристрастность историка, необходимо стремиться рассматривать исторические явления в их подлинности, необходимо максимально приближаться к истинности. Исторические труды, которые были написаны рассматриваемыми в данной работе авторами сегодня не является в большей степени научными трудами и могут рассматриваться как отражение политических событий Германии в общественно-политической жизни. Однако, эти труды набирали огромную популярность в виду своей острой актуальности, пробуждали патриотические и национальные чувства немецкого народа в тех условиях, когда они действительно были необходимы государству. Малогерманская и великогерманская школы не получили дальнейшего развития, немецкая историческая наука отошла от эмоциональных полемик и на современном этапе развивается в сторону объективности и беспристрастности. Все же это не значит, что она не оказала какого-либо влияния на исследование рассматриваемых ею явлений.

Изучаемые в данной работе исторические личности являются историками лишь в контексте своей эпохи, для современного этапа

развития исторической науки они являются в большей степени уже как «национальные глашатаи» среди немецкого народа. Все же их труды и их деятельность пробуждает исторический интерес и сегодня.

Таким образом, были выполнены основные задачи, поставленные в данной работе:

1. Первая глава посвящена рассмотрению исторического контекста развития исторических (малогерманской и великогерманской) школ в Германии во второй половине XIX века. Прослеживается зарождение вопроса объединения страны в обществе, его обострение, влияние конкретных исторических событий на общество и его настроение. Помимо общих исторических вопросов, рассмотрено состояние Пруссии и Австрии в историческом контексте, причины их возвышения среди немецких государств, причины их противостояния и основания и возникновение оснований для этого противостояния. Были рассмотрены конкретные исторические события, которые явно указывали на враждующее состояние двух немецких государств.

2. Во второй главе был проведен анализ трудов и деятельности представителей малогерманской и великогерманской школ в вопросе объединения Германии второй половины XIX века. Рассмотрены конкретные исторические личности, обстоятельства их биографии, повлиявшие на становление их политических и патриотических чувств, а также на их уклон в исторической научной деятельности. Также в главе анализируются фрагменты из их работ, подробно рассмотрены проявления их политических и личных взглядов в исторических трудах.

3. Было изучено влияние научного направления с политическим уклоном на развитие исторической науки Германии второй половины XIX века. Данная работа охватывает хронологические рамки: вторая половина XIX века, этого достаточно, чтобы осветить основные этапы существования малогерманской и великогерманской исторических школ, их влияние на историческую немецкую науку, а также их спад. В работе

выявлено, что проявление политичности и субъективности в исторической науке резко пошло на спад после объединения Германии, хотя возрождение похожих идей еще возникнет в XX веке, на ведущую историческую науку это уже не влияет.

На основе исследуемой темы были разработаны рекомендации для ее применения в школах. Предложены темы из школьного курса всеобщей истории, к которым наиболее применима данная тема, а также разработан урок с одним из вариантов применения данной темы. Также в данной работе удалось раскрыть возможность интерпретации данной темы в школьном курсе истории.

Так как не все, изученные в данной работе исторические источники являются чисто научными трудами, в данной работе они интерпретируются больше как публицистика; это объясняется и субъективностью работ, наличием дискуссии среди историков, личная заинтересованность историков в исследуемых ими событиях. Именно поэтому, данная тема интерпретируется на уроках истории в качестве использования публицистики. Однако, здесь (см. Приложение) представлен лишь один из вариантов разработки урока в использовании материалов данной работы, учитель, при выборе материала на урок дополнительно оценивает возможности учащихся и конкретный материал, на котором следует на уроке остановиться подробнее или раскрыть его через привлечение публицистики как исторического источника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Johannes Janssen An meine Kritiker: nebst Ergänzungen und Erläuterungen zu den ersten drei Bänden meiner Geschichte des deutschen Volkes : 9-е издание - Гарвардский университет : Herder, 1883.- 146 с.
2. Julius von Ficker Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen: Vorlesungen gehalten im Ferdinandeum zu Innsbruck : 2-е издание - Мичиганский университет : Wagner, 1862. - 181 с.
3. Sybel H., von. Deutschlands Rechte auf Elsass un Lothringen / Der Frieden von 1871. Düsseldorf: Verlagshandlung von Julius Buddeus, 1871. S. 112
4. The political thought of Heinrich von Treitschke 1914 Treitschke, Heinrich von, 1834-1896, Political science London, Constable utmississauga; toronto Mississauga - University of Toronto English
5. Thomas Brechenmacher: Wie viel Gegenwart verträgt historisches Urteilen? Die Kontroverse zwischen Heinrich von Sybel und Julius Ficker über die Bewertung der Kaiserpolitik des Mittelalters (1859–1862). In: Ulrich Muhlack (Hrsg.): Historisierung und gesellschaftlicher Wandel in Deutschland im 19. Jahrhundert (= Wissenskultur und gesellschaftlicher Wandel. Bd. 5). Akademie Verlag, Berlin 2003, ISBN 3-05-003841-1, S. 87–112.
6. Wilhelm Giesebrecht: Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Volume 1: Gründung des Kaisertums. Braunschweig 1863 first published 1855
7. Бисмарк, Отто фон (1815-1898). Мысли и воспоминания [Текст] : [в 3 т.] / О. Бисмарк ; пер. с нем. под ред. проф. А. С. Ерусалимского. - Москва : Гос. соц.-экон. изд., 1940-1941.Т. 1. - 1941. - 325 с.
8. Бисмарк, Отто фон (1815-1898). Мысли и воспоминания [Текст] : [в 3 т.] / О. Бисмарк ; пер. с нем. под ред. проф. А. С. Ерусалимского. - Москва : Гос. соц.-экон. изд., 1940-1941. Т. 2. - 1941. - 278 с.

9. Дройзен Иоганн Густав История эллинизма. Т.1 // 1995. С. 605
10. Дройзен, Иоганн Густав (1808-1884). Историка [Текст] : [лекции об энциклопедии и методологии истории] / Иоганн Густав Дройзен ; пер. с нем. Г. И. Федоровой ; под ред. Скляднева Д. В.; Фонд Университет. - Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2004. - 582, [1] с.; 21 см. - (Historica).; ISBN 5-93615-025-9
11. Дройзен, Иоганн Густав (1808-1884). История эллинизма = Geschichte des Hellenismus [Текст] : [в 3 т.] / И. Г. Дройзен. - Санкт-Петербург : Наука : Ювента, 1997-1999. Т. 3: История эпигонов. Т. 3. - 1999. - 526, с.

Литература

12. Andreas Rienow Der Streit zwischen Heinrich von Sybel und Julius Ficker. - Andreas Rienow on 11 March 2015. URL: <https://www.researchgate.net/publication/260746910>
13. AustriaWiki/Sybel-Ficker-Streit. – Erstellt06.08.2021 – . – URL: <https://austria-forum.org/af/AustriaWiki/Sybel-Ficker-Streit> (дата обращения: 25.02.25)
14. Henry Cord Meyer. Drang nach Osten: Fortunes of a Slogan-Concept in German-Slavic Relations, 1849-1990. Bern: Peter Lang, 1996. 142 pp. Notes and index. \$29.95 (paper), ISBN 3-906755-93-2.
15. Julius Ficker (1826-1902) kin beitrage zur deutschen gelehrten-geschichte von J.Jung.Innsbruck.verlag der waagnerschen universitat-buchhandlung. 1907, s. 412
16. Афонюшкина А. В. Изучение новой истории в российской и германской историографии второй половины XIX века: проблемы взаимовлияния/ А. В. Афонюшкина // Вестник Воронежского государственного университета. - 2010 - №2. - С. 50-54.

17. Баев В. Г. «Сильное государство» в политико-правовых взглядах германского канцлера Отто фон Бисмарка/ В. Г. Баев // Право: история и современность. - 2018 - №4. - С. 12-21.
18. Баев В. Г. Унитаризация или федерализация? Поиск путей создания германской государственности после 1815 года / В. Г. Баев, И. А. Воликова // Юридическая наука. - 2014. - №3. - С. 5-15.
19. Бодров, А. В. "Немецкое сердце" или "французский дух"?/ А. В. Бодров // Вопросы национализма. - 2015 - №4(24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskoe-serdtse-ili-frantsuzskiy-duh> (дата обращения: 24.04.2024).
20. Бузескул, В. П. Генрих Зибель, как историк-политик / Проф. В. Бузескул. - Харьков : тип. и лит. Зильберберг, 1896. - 35 с.
21. Васильев Ю. А. Немецкие школы историков XVIII-XIX вв. Статья 3. Прусская (малогерманская) научная школа / Ю. А. Васильев // Горизонты гуманитарного знания. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskie-shkoly-istorikov-xviii-xix-vv-statya-3-prusskaya-malogermanskaya-nauchnaya-shkola> (дата обращения: 27.03.2025).
22. Васильев, Ю. А. От Bildung к Wissenschaft: гейдельбергская историческая школа / Ю. А. Васильев // Власть. - 2015 - №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-bildung-k-wissenschaft-geydelbergskaya-istoricheskaya-shkola-1> (дата обращения: 24.04.2024)
23. Виноградов В. Н. Европейские революции 1848 года: «Принцип национальности» в политике и идеологии / В. Н. Виноградов, Т. М. Исламов, Л. А. Кириоина и др. ; Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения; Москва : Индрик, 2001. - 455 с.; 22 см.; ISBN 5-85759-140-6

24. Виноградов П. Г. Очерки западноевропейской историографии /П. Г. Виноградов // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), 1883, N8 - 12; 1884, N 1 - 2,6 - 8,11.
25. Власов Н. А. Австро-прусская война 1866 года как гражданская: взгляд современников / Н. А. Власов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения // 2022 - №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avstro-prusskaya-voyna-1866-g-kak-grazhdanskaya-vzglyad-sovremennikov> (дата обращения: 25.04.2024).
26. Гончарова А. В. Австро-прусская война на основе материалов национальной библиотеки Австрии / М. В. Гончарова, А. В. Бредихин // Архонт. - 2019. - №5(14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avstro-prusskaya-voyna-na-osnove-materialov-natsionalnoy-biblioteki-avstrii> (дата обращения: 28.03.2024)
27. Государственный строй Пруссии после Революции 1848 года / Хрестоматия по новой истории: Пособие для учителя / Под ред. А.И. Молока и В.А. Орлова. В 2-х томах. — М.: Учпедгиз, 1958-1959.
28. Даценко П. А. О некоторых аспектах изучения великогерманской идеи 1848–1866 годов / П. А. Даценко // Новая и Новейшая история. – 2022. – Выпуск 6 С. 17-27 . URL: <https://nni.jes.su/s013038640020570-5-1/>.
29. Жеребин, А. И. О мемуарах Отто фон Бисмарка. Опыт интерпретации в русской перспективе / А. И. Жеребин // Европа и Россия парадоксы родства №1 2019. - Санкт-Петербург; С. 31 - 41
30. Историография истории Нового времени стран Европы и Америки : учеб. пособие / А. В. Адо, И. С. Галкин, И. В. Григорьева и др. / под ред. Дементьева. - М.: Высш.шк.,1990.-512 с.
31. История Германии : учеб. пособие / Б. Бонвеч, Ю. В. Галактионова [и др] ; Т. 1: С древнейших времен до создания Германской империи, сост. науч.-справ, аппарата А. А. Мить. — 544 е.: ил., [8] е.: цв. ил.

32. Источниковедение ; учебник для академического бакалавриата / Е. Д. Твердюкова [и др.]; под ред. А. В. Сиренова. — М.: Издательство Юрайт, 2015. — 396 с. — Серия: Бакалавр. Академический курс.
33. Кильдюшов, О. В. Генрих фон Трейчке о проблеме единства политической нации / О. В. Кильдюшов // Вопросы национализма. 2012. №1(9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genrih-fon-treychke-o-probleme-edinstva-politicheskoy-natsii> (дата обращения: 24.04.2024).
34. Козлов А. С. Падение Римской империи в немецкой историографии середины XIX – начала XX в. / А. С. Козлов. // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. — № 12. — Сер. Германика. Вып. 1. — Екатеринбург : Издательский отдел УрГПУ, 2022. — С. 111-127.
35. Косенко М. С. Российская историография о немецкой исторической школе XIX – начала XX вв / М. С. Косенко // НК. 2013. №6 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-istoriografiya-o-nemetskoj-istoricheskoy-shkole-hih-nachala-hh-vv> (дата обращения: 20.05.2025).
36. Кравченко-Новоселова А. А. Проблема единства Италии в работах Данте Алигьери // Соловьевские исследования. 2022. №1 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-edinstva-italii-v-rabotah-dante-aligieri> (дата обращения: 27.03.2025).
37. Кривогуз И. М. (ред.). Новая история стран Европы и Америки 5-е изд. / И. М. Кривогуз ; Дрофа — М.: Дрофа, 2005. — 909 с.
38. Кроче, Бенедетто (1866-1952). Теория и история историографии / Б. Кроче; Послесл. Т. В. Павловой; Пер. с ит. И. М. Заславской // Москва : Шк. "Языки рус. культуры", 1998. - 191 с.; 23 см. - (Studia historica); ISBN 5-7859-0066-1
39. Макеева И. В. Этничность и культурно-исторические основы немецкой нации / И. В. Макеева // Вологодские чтения. 2008. №66. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/etnichnost-i-kulturno-istoricheskie-osnovy-nemetskoj-natsii> (дата обращения: 27.03.2025).

40. Меринг, Франц (1846-1919). История германской социал-демократии / соч. Фр. Меринга // Санкт-Петербург : Т-во "Просвещение", [1906]-[1908]. - 18 см. - (Библиотека "Просвещения").

41. Назаров С. В. Историография всеобщей истории (в связи с развитием исторической мысли) : учеб. пособие / С. В. Назаров ; – Армавир, 2002. – 176 с.

42. Никаев Х. Р. Материалы периодической печати как исторический источник / Х. Р. Никаев // Социально-гуманитарные знания. 2013. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialy-periodicheskoy-pechati-kak-istoricheskiy-istochnik> (дата обращения: 06.04.2025).

43. Оболенская, С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX век) / С.В. Оболенская; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. - Москва : Ин-т всеобщ. истории РАН, 2000. - 209 с.; 20 см.; ISBN 5-94067-004-0

44. Петренко, С. П. Германия в третьей четверти XIX века: путь к национальному единству / С. П. Петренко // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/germaniya-v-tretiey-chetverti-xix-veka-put-k-natsionalnomu-edinstvu> (дата обращения: 25.04.2024).

45. Плавская Е. В. Публицистика как вид исторических источников: проблема определения / Е.В. Плавская // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publitsistika-kak-vid-istoricheskikh-istochnikov-problema-opredeleniya-1> (дата обращения: 06.04.2025).

46. Пленков О. Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм / О.Ю. Пленков // СПб. : Изд-во Рус.

Христ. гуманитар. ин-та, 1997. - 570 с.; 17 см. - (Серия "Современная российская мысль" / Рус. христ. гуманитар. ин-т).; ISBN 5-88812-027-6

47. Соколов, А. Б. Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США : учеб. пособие / А. Б. Соколов ; М-во образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО "Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского". - Ярославль : Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2007. - 241 с.; 29 см.; ISBN 978-5-87555-256-4

48. Степанова, В.В. Условия и предпосылки формирования исторической науки в Германии в XIX веке / В. В. Степанова // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции Часть I. История идей и история общества. Отечественная история / Отв. ред. А. В. Коричко, В. Н. Ерохин, Я. Г. Солодкин. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2012. — 511 с. - С. 127-130.

49. Студенкин М. Т. Методика преподавания истории в школе: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. - М.: 2000. - 240 с.: ил.

50. Терехов, О. Э. Историческая мысль и историческая наука Запада XIX-XX веков : учебное пособие / О. Э. Терехов ; М-во образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО "Кемеровский гос. ун-т". - Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2006. - 163 с.; 20 см.; ISBN 5-8353-0203-7

51. Троян С. С. – Немецкие проекты «Миттельевропы» конца XIX – начала XX вв. / С. С. Троян // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1047–1053.

52. ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет" Электронная библиотека ПГУ: официальный сайт. - Пенза, 2018. - URL: https://elib.pnzgu.ru/library_doc/10481

53. Федеральные государственные образовательные стандарты среднего общего образования. URL:

https://gimn1klgd.gosuslugi.ru/netcat_files/30/50/FGOS_SOO_s_01.09.2024.pdf
f)

54. Фельдман, Ф.А. Очерки австро-прусской войны в 1866 году. / Ф. А. Фельдман // СПб: Типография департамента уделов. Лит. № 39. 1867.

55. Фененко А. Незападная Европа / А. Фененко // Электронный ресурс: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nezapadnaya-evropa/> (Дата обращения: 12.02.2024)

56. Эман И. Е. . «Великая Германия»: формирование немецкой национальной идеи накануне первой мировой войны / И. Е. Эман, К. Н. Цимбаев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2016-04-030-tsimbaev-k-n-velikaya-germaniya-formirovanie-nemetskoj-natsionalnoy-idei-nakanune-pervoy-mirovoy-voyny-m-rggu-2015-259-s> (дата обращения: 27.03.2025).

57. Янсен, Иоганн // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907. С. 680

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

План-конспект урока

Предмет	История	
Класс	9	
Дата		
Учитель	Похлебаева Олеся Андреевна	
Тема урока	Германия в первой половине XIX века	
УМК	ФГОС «Просвещение»	
Учебник	История. Всеобщая история. История нового времени. XIX - начало XX века : 9-й класс : учебник / А.Я. Юдовская, П.А. Баранов, Л.М. Ванюшкина	
Тип урока	Открытие новых знаний	
Цель	Сформировать у учащихся представление об исторических событиях Германии в первой половине 19 века	
Планируемые результаты:		
<i>Предметные:</i>	<i>Метапредметные:</i>	<i>Личностные:</i>
Сформировать представления учащихся о событиях в Германии в первой половине 19 века; актуализация знаний по деятельности Наполеона 1 и венского конгресса;	Умение выявлять причинно-следственные связи Оценивать социальное, экономическое и политическое состояние общества	сформировать у учащихся представления о необходимости политического и общественного участия в жизни страны, ценности своей страны и нации; Формирование представления о «великой личности в истории»; сформировать у учащихся личный интерес к истории;

Ход урока:

Содержание деятельности учителя	Содержание деятельности обучающихся
1. Этап подготовки к учебной деятельности:	
Приветствие учеников Проверить наличие необходимых предметов на парте	Приветствие учителя
2. Этап мотивации к учебной деятельности:	
<p>Определить тему урока:</p> <p>Давайте вспомним последнюю тему урока, которую вы изучали? Речь шла об Италии, но кто скажет, какое именно событие вы изучили? Верно, объединение Италии. Италия нуждалась в объединении так как являлась на начало 19 века раздробленной страной.</p> <p>Сегодняшняя тема будет напоминать прошлую, но речь пойдёт не об Италии.</p> <p>Давайте подумаем, какая ещё страна на начало 19 века являлась раздроблённой?</p> <p>Так, а какой исторический период мы изучаем?</p> <p>Кто мне напишет на доске, какие это года?</p> <p>Кто готов назвать тему урока?</p> <p>Хорошо, запишите тему в тетради и двигаемся дальше</p> <p>Сегодня мы с вами рассмотрим:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Территориальные изменения Германии 2. Социально-экономическое и политическое состояние Германии 	<p>- об Италии</p> <p>- объединение Италии</p> <p>- Германия</p> <p>- первая половина 19 века</p> <p>- 1800-1850 гг</p> <p>- Германия в первой половине 19 века</p>

<p>3. Революция 1848 года</p> <p>4. Вопрос объединения Германии</p>	
<p>3. Этап актуализации знаний</p>	
<p>Сейчас мы с вами должны будем проследить территориально-политическое изменение германских государств. Я раздам вам небольшие карточки, которые мы вместе заполним (таблицу см ниже)</p> <p>Прочитайте первый абзац по предложению вслух</p> <ul style="list-style-type: none"> - к концу старого порядка каково территориальное состояние Германии? - какие изменения внес Наполеон I? - что сделал Венский конгресс в 1815 году? <p>Таким образом, мы можем сказать, что политическая раздробленность являлась наиболее острой проблемой для Германских государств и «вековым вопросом»</p>	<p>Получают таблицы, читают учебник, отвечают на вопросы, заполняют таблицу</p> <ul style="list-style-type: none"> - почти 300 государств и свыше 1500 более мелких носителей суверенных прав - уничтожил большую часть малых государств, укрупнил средние и в 1806 году объединил их в Рейнский союз - распустил Священную Римскую империю - создал Германский союз, включающий 34 государства и 4 вольных города
<p>4. Работа в группах</p>	
<p>Сейчас вам нужно разделить на две группы</p> <p>Первая читает в учебнике фрагмент «Социально-экономическое развитие... мер и весов» и отвечает на вопросы: 1. почему росли города 2. что мешало экономическому развитию Германии</p> <p>Вторая группа читает: «Политическое</p>	<p>Учащиеся делятся на команды, читают учебник и отвечают на вопросы</p> <p>1 группа:</p>

<p>развитие... отпечаток национализма» и отвечаете на вопросы: 1. была ли в Германии Конституция после 1815 года 2. какая особенность была в общественных движениях</p> <p>На работу групп отводится 5-7 минут (учитель записывает вопросы на доске)</p> <p>Работа проверяется устно</p> <p>Таким образом, назревает общественное недовольство:</p> <ul style="list-style-type: none"> - раздробленность - угроза восстановления абсолютизма <p>В 1845-1847 в германских государствах случается голод, что усиливает общественное недовольство, а в 1848 году до Германии дошли известия о революции в Париже - <i>ПРЕПОСЫЛКИ КРАТКО ЗАПИСЫВАЮТСЯ НА ДОСКЕ</i></p> <p>В Германии начинается революция 1848 года. Ее причины мы уже выявили</p>	<ul style="list-style-type: none"> - потому что развивалась промышленность - территориальная раздробленность <p>2 группа:</p> <ul style="list-style-type: none"> - только в некоторых государствах - идеи принесли «захватчики»/националистский характер либеральных идей
<p>5. Революция в Германии 1848 года</p>	
<p>Рассказ учителя (3-5 минут) - основная работа с таблицей в дз.</p> <p><i>В виде таблицы: причины/ требования / результаты. Содержание таблицы наполняется по мере устного рассказа учителя</i></p> <p><i>Требования: «мартовские требования»: принятие конституции, назначение ответственного министерства, свобода прессы, суд присяжных, созыв Национального собрания</i> <i>(ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА И</i></p>	

<p><i>НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ)</i></p> <p><i>Результаты:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> <i>1. Разработана единая для Германии конституция (1849)</i> <i>2. Предполагалась конституционная монархия</i> <i>3. Провозглашение гражданских прав</i> <i>4. Раскол в решении вопроса объединения Германии</i> <p><i>- РАССКАЗ УЧИТЕЛЯ. ЗАПОЛНЕНИЕ ТАБЛИЦЫ В ВИДЕ ДЗ</i></p> <p><i>С опорой на выделенные причины;</i></p> <p><i>- какой общегерманский вопрос так и не остался решен?</i></p>	<p>- объединение («вековой вопрос»)</p>
---	---

6. Подводка к работе с историческим источником

<p>В вопросе объединения Германии стояли две главные проблемы?</p> <ul style="list-style-type: none"> - какое германское государство будет главным - какие государства войдут в состав Объединенной Германии <p>Раскол произошел между двумя сильными государствами; откройте стр 124 и рассмотрите карту, найдите на ней два наиболее крупных германских государства.</p> <p>Именно эти государства и начали соперничество в вопросе объединения Германии.</p> <p>Неизвестно, на сколько бы растянулось это соперничество, если бы к власти в Пруссии не пришел «железный канцлер» Отто фон Бисмарк.</p> <p>Неизвестно, на сколько бы растянулось это</p>	<p>Рассматривают карту, отвечают на вопрос:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Пруссия и Австрийская империя - все, кроме 4 государств Южной Германии: бавария, Вюртемберг, Баден и гессен-Дармштадт
--	--

<p>соперничество, если бы к власти в Пруссии не пришел «железный канцлер» Отто фон Бисмарк.</p> <p>Давайте посмотрим, как ему удалось объединить страну. Вам нужно ответить на вопрос, что именно сделал Бисмарк?</p> <p>Главный вопрос: объединение Германии - заслуга Бисмарка или совпадение?</p> <p>Но прежде, чем мы ответим на этот вопрос, я предлагаю вам узнать, какое существовало противостояние австрии и Пруссии на примере научно-публицистической дискуссии историков.</p>	
<p>7. Работа с историческим источником</p>	
<p>Сегодня я предлагаю вам попробовать себя в роли немецкого историка второй половины XIX века. Вам нужно поделить на две команды. Я раздам вам каждой команде выдержки, содержащие мнения историков: сторонников Пруссии и сторонников Австрии. Ваша задача выделить главную мысль в каждом фрагменте и в конце обсуждения выявить отличительные черты во взглядах этих историков.</p> <p>(учитель раздает документы (текст см ниже), дает время на подготовку, периодически помогая командам сформулировать на их основе собственную речь)</p> <p>Первым дадим слово прусским историкам.</p> <p>(по мере разбора источников, на доске фиксируются выводы по документам)</p> <p>Давайте попробуем ответить теперь на вопрос, какова была главная проблема в объединении Германии? (соперничество государств за власть)</p>	<p>Выводы по малогерманским историкам:</p> <ul style="list-style-type: none"> - ликвидация раздробленности Германии - противники демократии и республиканского строя - критика периода Средневековья - сторонники протестантизма и Реформации - высокая оценка личности в истории <p>Выводы по великгерманским историкам:</p> <ul style="list-style-type: none"> - сторонники многонациональной империи

Вернемся к учебнику, прочитайте пункт «Бисмарк и объединение Германии» и ответьте на вопрос, что сделал Бисмарк для объединения Германии?	<ul style="list-style-type: none"> - противники объединения по национальному признаку - сторонники католицизма - романтизация Средневековой истории Германии
Подведение итогов	
<p>Сегодня мы с вами узнали, как менялось территориально-политическое состояние Германии, кто может кратко это повторить?</p> <p>Отлично, кто может сказать, какими были последствия Революции 1848 года?</p> <p>В вопросе объединения Германии, какие немецкие государства соперничали?</p> <p>Кому удалось объединить Германию?</p>	<p>(ответ по таблице)</p> <p>(ответ в конспекте учащихся)</p> <ul style="list-style-type: none"> - Австрия и Пруссия - Бисмарк
Рефлексия: (на доске вывешивается таблица рефлексии)	Учащиеся заполняют таблицу
Дз: Читать параграф 12, учить записи конспекта	Записывают домашнее задание

Приложение 2

Территориально-политическое развитие Германии	К 1792 году	К 1806 году	После 1815 года

Приложение 3

ДОКУМЕНТЫ. ГРУППА 1.

ТЕКСТ 1 Дройзен сравнивал раздробленность древнегреческих полисов с раздробленностью Германии: «В Греции хорошо видели, в чем

заклучался корень зла. Во время борьбы с лидийским царём Фалес убеждал соединить все города Ионии в одно государство таким образом, чтобы впредь каждый город составлял только одну из общин этого государства. И когда началось персидское завоевание, Биант Приенский советовал всем ионийцам сообща выселиться и, водворившись на дальнем западе, осуществить то, что посоветовал Фалес. Но все предшествовавшее развитие эллинского мира, его главная сила и расцвет были обусловлены полной свободой передвижения и той подвижностью, с какой эллины распространялись во все стороны и везде пускали новые ростки, этим бесконечно жизненным партикуляризмом общин, одна другой меньше, который, занимаясь с самодовольным равнодушием, какое только можно себе представить, ближайшими и касавшимися его лично делами, теперь оказался величайшей опасностью, настоящим «панэллинским бедствием» [Дройзен «История эллинизма» том 1, С.24].

ТЕКСТ 2 об оценке Дройзеном демократического строя в Афинах: «...демократические страсти доставили слишком большую силу разрушительному рационализму, воспитавшего среди него олигархов, которые теперь, пользуясь под управлением Тридцати полной свободой, начали поработать измученный народ», «демократия - опасная форма государственного строя» [Дройзен «История эллинизма» т 1, С.29].

ТЕКСТ 3 Генрих фон Трейчке выражает свои мысли относительно причин упадка «науки о государстве» в период Средних веков - ограниченность исторического периода теологией. Далее Трейчке развивает свою мысль: разбить эту ограниченность смог именно Мартин Лютер: «Чистое историческое чувство не может процветать под доктриной, которая сужает, будь то учение богословское или философское, и все Средневековье было ограничено своей теологией. Мужчины больше не исследовали вещи, существенные для Государства, а вместо этого

попытались подчинить его Церкви. Мартин Лютер сломал свои узы, и люди снова начали осознавать его суверенитет» [Генрих фон Трейчке The political thought, С.38].

Далее на этот счёт можно встретить более субъективные высказывания относительно протестантизма: «Сегодня в Австрии немецкое население стонет от грехов своих отцов; вся страна была евангелизирована, но Реформация была задушена жестокой силой оружия, а не превосходящей духовной силой. Прежде всего, люди должны иметь выдержку твердо поддерживать то, что оно признало правильным и истинным. До сих пор можно сказать, что немцы Австрии получили по заслугам, поскольку им не удалось поддерживать принципы протестантизма с той же энергией, что и немцы Севера» [Генрих фон Трейчке The political thought, С.62].

ТЕКСТ 4 «Историю творят отдельные люди, такие как Лютер, Фридрих Великий или Бисмарк. Эта великая героическая истина будет жить вечно, и то, как случается, что нужный человек появляется в назначенное время, всегда будет загадкой для нашего смертного разума. Время формирует гения, но не создаёт его. Несомненно, в истории действуют определённые идеи, но способность неизгладимо запечатлеть их в эпоху даётся только гению какого-то конкретного человека, появившегося в определённое время» [Генрих фон Трейчке The political thought, С.42].

Генрих фон Трейчке о монархии: «Монархии должен принадлежать княжеский дом, сросшийся с нацией в ходе их совместной жизни. Только такая правящая семья, как эта, способна возвыситься над партиями. После революции во Франции не осталось династии, которая могла бы занять эту позицию. Таким образом, сразу же представилось зрелище: монархия ищет монарха и не может его найти» [Генрих фон Трейчке The political thought, С.43].

ДОКУМЕНТЫ. ГРУППА 2.

ТЕКСТ 1 Вильгельм фон Гизебрехт «Более того, период Империи — это эпоха, когда наш народ, укрепившийся благодаря единству, поднялся до положения власти, когда он мог не только свободно определять свою собственную судьбу, но мог также повелевать другими народами, и где немец пользовался своей величайшей властью в мире, а немецкое имя имело самое богатое звучание».[Wilhelm Giesebrecht: Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Volume 1: Gründung des Kaisertums. Braunschweig 1863 [first published 1855], page VI.]

ТЕКСТ 2 Юлиус Фиккер о национализме немецкого народа в период Средневековья: «Я имею в виду, что, помимо всех других заявленных причин, уже одно то обстоятельство, что немцы ещё не называли себя национальным именем, должно запретить нам приписывать возникновение Германской империи национальным мотивам.»(Julius von Ficker Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen: Vorlesungen gehalten im Ferdinandeum zu Innsbruck, 1862. - 46-48)

ТЕКСТ 3 Юлиус Фиккер о единстве императора Священной римской империи и католицизме: «мысль о том, что единство духовного порядка должно соответствовать и мирскому, что один и тот же закон, основанный на божественных учениях христианства, должен применяться ко всем христианам как в церковных, так и в мирских делах, что и у светского порядка должен быть глава, как и у церковного, чтобы и император, и Папа, независимые друг от друга, но тесно связанные, преследующие одну и ту же цель, могут повсюду поддерживать друг друга, чтобы показать божественный закон в духовных и мирских делах, чтобы сохранить мир и согласие между всеми христианскими народами, положить конец всем братоубийственным войнам, объединить их силы для решения задач по

объединению и расширению территории великого общего порядка.» (Julius von Ficker Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen: Vorlesungen gehalten im Ferdinandeum zu Innsbruck, 1862. - 25).

ТЕКСТ 4 Юлиус Фиккер о необходимости Италии в императоре «Несмотря на все благоприятные обстоятельства, сложившиеся в то время и часто повторявшиеся в последующие периоды, Италия всегда оказывалась неспособной к формированию здорового и сильного государственного устройства на национальной основе... Как бы то ни было, помощь иностранцев в формировании упорядоченного государственного устройства всегда оказывалась в Италии необходимой, потому что только они могли противостоять сопротивляющимся, самым многочисленным местным партийным интересам... (Julius von Ficker Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen: Vorlesungen gehalten im Ferdinandeum zu Innsbruck, 1862. - 68)В то время из всех западных правителей только король германский мог ожидать достаточного решения итальянского вопроса, только он как король Италии мог объединить королевство, обеспечить его внешнюю и внутреннюю безопасность и как император выполнять обязанности, возложенные на него в интересах всего христианского мира. (Julius von Ficker Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen: Vorlesungen gehalten im Ferdinandeum zu Innsbruck, 1862. - 75

Юлиус Фиккер о мировом порядке при существовании империи «Само существование этой огромной империи в центре части света должно было сделать почти невозможным большие колебания европейского государственного строя, пока она сама сохраняла спокойствие, сохраняла свои границы, но не стремилась к их дальнейшему расширению... Имперская власть настолько превосходила любую другую в оборонительных целях, что имперские границы могли считаться

неприкосновенными для любого внешнего врага, что само название Рейха, пока оно было непоколебимо, оставалось неприкосновенным» (Julius von Ficker Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen: Vorlesungen gehalten im Ferdinandeum zu Innsbruck, 1862. - 77)